

ДЭНИЕЛ КОУЛ

18+

ПАЛДАЧ

От автора бестселлера «Тряпичная кукла»

Мастера саспенса

Дэниел Коул

Палач

«АСТ»

2018

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Коул Д.

Палач / Д. Коул — «АСТ», 2018 — (Мастера саспенса)

ISBN 978-5-17-107245-2

Прошло полтора года после раскрытия резонансного дела о Тряпичной кукле, и детектив Эмили Бакстер полагает, что оно осталось позади. Однако внезапно Лондон и Нью-Йорк накрывает новая волна убийств, в которых угадывается почерк маньяка-«кукольника». Каждый раз обнаруживаются две жертвы: у одной на груди вырезано слово «Наживка», у другой – «Кукла». Скотланд-Ярд и ФБР прилагают все усилия, чтобы обнаружить кукловода-невидимку. Однако каждый маленький шаг к истине сопровождается лавиной новых жертв. На что им придется пойти, чтобы остановить кровопролитие?

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-107245-2

© Коул Д., 2018

© АСТ, 2018

Содержание

Пролог	6
Пятью неделями ранее...	10
Глава 1	11
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	23
Глава 5	30
Глава 6	36
Глава 7	41
Глава 8	48
Глава 9	53
Глава 10	59
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Дэниел Коул Палач

Daniel Cole
HANGMAN

Печатается с разрешения литературных агентств Conville & Walsh Ltd. и Synopsis Literary Agency

Серия «Мастера саспенса»

Copyright © Daniel Cole 2018
© Липка В., перевод, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

*А что, если есть Бог?
Что, если есть рай?
Что, если есть ад?
И что, если... так, в виде предположения...
мы все уже в этом аду?*

Пролог

Среда, 6 января 2016 года,
9 часов 52 минуты утра

– Бога нет, факт.

Старший инспектор Эмили Бакстер посмотрела на свое отражение в зеркальном окне допросной комнаты, ожидая от внимающей ей аудитории хоть какой-то реакции на эту неприглядную истину.

Тишина.

Выглядела она ужасно: вместо тридцати пяти на все пятьдесят. Ее верхняя губа была зашита плотными темными нитками, которые туго натягивались каждый раз, когда она начала говорить, – напоминая о вещах, о которых она предпочла бы навсегда забыть. Ободранная кожа у нее на лбу отказывалась заживать, переломанные пальцы стягивал бинт, влажная одежда скрывала еще дюжину повреждений на теле.

Напустив на себя скучающий вид, старший инспектор повернулась к двум мужчинам, сидевшим за столом напротив. Все молчали. Она зевнула и стала тереть свои длинные каштановые волосы, поглаживая неповрежденными пальцами пряди, спутавшиеся в тугой комок, когда она израсходовала трехдневный запас сухого шампуня. Ей было глубоко наплевать, что последние произнесенные ею слова явно оскорбили специального агента Синклера, импозантного лысого американца, который царапал что-то на листе бумаги с какой-то замысловатой шапкой.

На фоне элегантно одетого иностранца Эткинс, занимающийся в столичной полиции вопросами координации, производил весьма посредственное впечатление. Последние пятьдесят минут Бакстер усиленно пыталась представить, какого цвета была его грязно-бежевая рубашка на заре своей жизни. На его шее свободно болтался галстук, словно накинутая человеколюбивым палачом петля, свисающий конец которого не мог скрыть свежее пятно от кетчупа.

Наконец, Эткинс посчитал затянувшуюся паузу сигналом продолжить разговор.

– Видимо, вы имели много *интересных* бесед со специальным агентом Рушем, – заявил он.

На его бритой голове выступил обильный пот, выступивший по вине мощной лампочки и обогревателя в углу, гнавшего горячий воздух и превратившего четыре снежных следа на линолеуме в грязные лужи.

– В смысле? – спросила Бакстер.

– В смысле, если верить его досье...

– К черту досье! – перебил его Синклер. – Я работал с Рушем и знаю наверняка, что он всегда был благочестивым христианином.

Американец бегло просмотрел содержимое аккуратно пронумерованной папочки, лежащей слева о него, и извлек документ, изукрашенный почерком Бакстер.

– Как и вы, судя по анкете, заполненной вами перед вступлением в нынешнюю должность.

Он спокойно выдержал взгляд Бакстер, смакуя тот факт, что эта взрывная женщина опровергла сама себя, – будто теперь, когда ему удалось доказать, что она придерживается одной с ним веры и просто пытается его спровоцировать, равновесие в мире было восстановлено. Бакстер, однако, оставалась бесстрашной, как всегда.

– Я вынуждена констатировать, что люди, в большинстве своем, идиоты, – начала она, – очень многие из них руководствуются неверным представлением, что глупая доверчивость и строгие моральные устои каким-то образом связаны друг с другом. Мне просто хотелось повышения зарплаты.

Синклер возмущенно покачал головой, будто не веря своим ушам.

– Стало быть, вы солгали? Вам не кажется, что это не очень-то вяжется со строгими моральными устоями?

– Зато очень даже вяжется с глупой доверчивостью, – пожала плечами Бакстер.

С лица Синклера исчезла улыбка.

– А почему вы так хотите обратить меня в свою веру? – спросила она, не устояв перед соблазном уязвить собеседника.

Он вскочил, перегнувшись через стол и завопил:

– Вы забываетесь, старший инспектор! Погиб человек!

Бакстер и глазом не моргнула.

– Не он один... – тихо ответила она и тут же решила подпустить яду. – Но вы по какой-то непонятной причине тратите время, причем не только свое, но и мое, проявляя странное участие к тому единственному, кто заслужил смерти!

– Мы просто хотим кое-что узнать, – вмешался Эткинс, пытаясь разрядить обстановку, – рядом с телом была обнаружена улика... скажем так, религиозного свойства.

– Ее мог оставить кто угодно, – возразила Эмили.

Собеседники обменялись взглядами, по которым она определила, что ей рассказали далеко не все.

– Вы располагаете какими-либо сведениями о нынешнем местонахождении специального агента Руша?

– Насколько мне известно, агент Руш мертв! – гневно бросила она.

– Вы действительно на этом настаиваете?

– Насколько мне известно, агент Руш мертв! – повторила Бакстер.

– Значит, вы видели его те...

Доктор Престон-Холл, штатный психотерапевт столичной полиции, четвертый участник этой беседы, откашлялась. Синклер осекся, уловив невысказанное предупреждение, откинулся на стуле, закатил глаза и отвернулся к зеркальному окну. Эткинс нацарапал что-то в своем засаленном блокноте и придвинул его к врачу.

Доктор была ухоженной женщиной немного за шестьдесят. Ее дорогие духи в сложившейся ситуации играли роль освежителя воздуха, правда, неспособного затмить всепоглощающий запах отсыревшей обуви. Весь ее вид демонстрировал непринужденную властность, она с самого начала недвусмысленно дала понять, что прекратит беседу в любой момент, если посчитает, что характер задаваемых вопросов нарушит процесс восстановления душевного равновесия ее пациентки. Она медленно взяла покрытый кофейными пятнами блокнот и прочла адресованное ей сообщение с видом школьной учительницы, перехватившей тайную записку.

Весь этот час доктор хранила молчание и теперь тоже не считала нужным его нарушать, поэтому в ответ на письменный вопрос Эткинса лишь отрицательно покачала головой.

– Что там? – спросила Бакстер.

Доктор ничего не ответила.

– Что там? – повторила свой вопрос детектив и повернулась к Синклеру. – Спрашивайте.

Того явно раздирали противоречия.

– Спрашивайте, – опять сказала Бакстер.

– Эмили! – вскинулась психиатр. – Больше ни слова, мистер Синклер!

– Да скажите уже, чего там, – с вызовом воскликнула Бакстер, и ее голос заполнил собой все небольшое помещение. – Вы хотите узнать про метро?

– Разговор окончен, – заявила доктор Престон-Холл и встала.

– Спрашивайте! – крикнула поверх ее головы детектив.

Чувствуя, что от него ускользает последний шанс получить ответы на свои вопросы, Синклер рискнул, решив, что о последствиях можно будет подумать и потом:

– Если верить вашим показаниям, среди погибших был и специальный агент Руш. Доктор Престон-Холл в отчаянии воздела руки.

– Не вижу в ваших словах вопроса, – сказала Бакстер.

– Вы видели его тело?

Впервые за все время Синклер заметил, что Бакстер осеклась, но отнюдь не обрадовался ее затруднению и лишь испытал чувство вины. После его вопроса глаза женщины остекленели, она мысленно вернулась на ту злополучную станцию метро, на мгновение попав в плен воспоминаний. Ее голос надломился, когда она шепотом ответила:

– Если бы не видела, не говорила бы.

Вновь повисла напряженная пауза, и каждый задумался о том, сколько мучений содержит в себе эта простая фраза.

– Каким он вам показался? – выпалил Эткинс вопрос, так и не додумав его до конца, когда тишина стала невыносимой.

– Кто?

– Руш.

– В каком смысле? – спросила Бакстер.

– Эмоциональное состояние.

– Когда?

– Во время вашей последней встречи.

Она на несколько мгновений задумалась, потом искренне улыбнулась:

– Он почувствовал облегчение.

– Облегчение?

Бакстер кивнула.

– Вы, видимо, его любили, – продолжал Эткинс.

– Не особо. Он был умным и компетентным коллегой... но при этом обладал рядом явных недостатков, – добавила она.

Ее огромные карие глаза, подчеркнутые темным макияжем, смотрели на Синклера в ожидании реакции. Она закусила губу и вновь посмотрела в зеркало, будто проклиная кого-то, кто стоял за ним, за это мучительное испытание.

Эткинс взял на себя труд закончить разговор. У него под мышками проступили два темных пятна, но он даже не заметил, что обе женщины тихонько отодвинули стулья сантиметров на пять от стола.

– Вы вызывали к нему домой обыск, – сказал он.

– Вызывала.

– Но тогда получается, что он не внушал вам доверия.

– Не внушал.

– А сейчас не испытываете к нему никакой дружеской привязанности?

– Абсолютно никакой.

– Что он сказал вам напоследок?

– Мы закончили? – спросила Бакстер, явно испытывая нетерпение.

– Почти. Ответьте, пожалуйста, на мой вопрос.

Он сел и занес ручку над блокнотом.

– Я хочу это прекратить, – сказала Бакстер доктору Престон-Холл.

– Разумеется, – сурово ответила та.

– Есть ли какая-то причина, по которой вы не можете ответить на такой простой вопрос? – слова Синклера распороли комнату.

– Ну хорошо! – в бешенстве воскликнула Бакстер. – Я вам скажу.

Она обдумала свой ответ, перегнулась через стол и посмотрела американцу прямо в глаза:

– Никакого... Бога... нет... – с ухмылкой бросила она.

Эткинс отшвырнул ручку, Синклер вскочил, оттолкнул стул, с грохотом поехавший по полу, и выбежал из комнаты.

– Отлично, – устало вздохнул Эткинс, – спасибо за *сотрудничество*, старший инспектор. Теперь мы действительно закончили.

Пятью неделями ранее...

Глава 1

*Вторник, 8 декабря 2015 года,
6 часов 56 минут утра*

Замерзшая река скрипела и трещала, будто ворочаясь во сне в сияющих огнях мегаполиса. Разномастные суда, скованные во льду и всеми забытые, постепенно заносило снегом, а остров и материк на какое-то время вновь стали одним целым.

Когда из-за рваной линии горизонта выползло солнце и мост окутался оранжевым светом, на лед под ним легла окоченевшая тень: под внушительных размеров аркой путаницей покрытых снегом проводов показалась железная паутина, поймавшая ночью в свои сети жертву.

Бесформенной, искореженной массой, затмив собой лучи дневного светила, висело истерзанное тело Вильяма Коукса, чем-то напоминая муху, поотрывавшую себе лапки и крылышки в отчаянной попытке освободиться.

Глава 2

*Вторник, 8 декабря 2015 года,
6 часов 39 минут вечера*

К окнам Нью-Скотленд-Ярда жалась ночь, огни города расплывались в потеках осевшего на стеклах конденсата.

Если не считать двух коротких отлучек в туалет и похода в кладовку с канцелярскими принадлежностями, Бакстер с самого утра не покидала свой кабинет в отделе по раскрытию убийств и других тяжких преступлений, больше похожий на чулан. Она без конца поглядывала на кипу бумаг, шатко балансировавших на краю стола над корзиной для мусора, старательно подавляя природный инстинкт, побуждавший с силой ткнуть ее в нужном направлении.

В тридцать четыре года она стала одной из самых молодых женщин, когда-либо получавших звание старшего инспектора столичной полиции, хотя этот ее взлет по карьерной лестнице не был ни ожидаемым, ни особо желанным. И вакантное место, и последующее назначение Эмили на эту должность, в других обстоятельствах для нее недостижимую, стали результатом единственно дела о Тряпичной кукле и задержания ею минувшим летом печально известного серийного убийцы.

Предыдущий старший инспектор, Терренс Симмонс, был вынужден уйти на пенсию по причине слабого здоровья, которое, как все подозревали, ухудшилось еще больше после угрозы командера уволить его, если он не согласится написать рапорт об отставке, – показной жест, адресованный разгневанной публике, привычная жертва, призванная улажить разгневанных богов.

Бакстер разделяла чувства большинства коллег: ей было противно, что из предшественника сделали козла отпущения, но в душе она испытывала облегчение от того, что эта роль досталась не ей. Она даже не думала писать рапорт о переводе на новую должность до тех пор, пока командер сама не сообщила ей, что место достанется ей, если на то будет ее желание.

Она оглядела свою крохотную клетушку, с грязным ковром на полу и ржавым сейфом (кто знает, какие важные бумаги похоронены на дне этого ящика, который ей никогда не удавалось открыть?), и вдруг подумала, что зря тогда согласилась.

Из офиса донеслось приветственное восклицание, но Бакстер его даже не услышала, потому что уже вернулась к рассмотрению жалобы на детектива Сондерса. Автор петиции обвинял детектива в том, что тот, описывая его сына, использовал бранное слово. Бакстер слово показалось излишне мягким. Она начала выстукивать на клавиатуре официальный ответ, дойдя до середины, утратила к нему всякий интерес, скомкала жалобу и швырнула ее в сторону корзины для мусора.

В дверь робко постучали, и в кабинет скользнула невзрачная женщина-полицейский. Она собрала и выбросила бумаги, попавшие мимо корзины, потом, будто заправский игрок в дженгу, положила на вершину кипы, вот-вот готовой сверзиться вниз, несколько новых документов.

– Прошу прощения за беспокойство, – сказала она, – однако детектив Шоу вот-вот начнет свою речь. Мне кажется, вам надо при этом присутствовать.

Бакстер громко выругалась и уперлась лбом в стол.

– О господи! – простонала она, слишком поздно вспомнив, что забыла купить подарок.

Тщедушная девушка застыла в неловкой позе, ожидая дальнейших распоряжений, но через несколько мгновений тихо вышла из комнаты, не уверенная до конца, что Эмили не уснула.

С трудом придав телу вертикальное положение, Бакстер вышла в офис, где вокруг стола детектива-сержанта Финли Шоу собралась небольшая толпа. На стене красовался приклеенный скотчем плакат, который сам Финли двадцать лет назад купил по случаю проводов на пенсию давно забытого коллеги:

ЖАЛЬ, ЧТО ТЫ УХОДИШЬ!

Рядом с ним на столе выстроилась вереница несвежих пончиков из супермаркета. На коробках виднелись скидочные наклейки, знаменовавшие собой пройденный ими за три дня путь от неаппетитных до совершенно несъедобных.

Скрипучим голосом детектив-шотландец озвучил свою последнюю перед пенсией угрозу съездить Сондерсу по физиономии. И хотя сегодня присутствующие встретили ее вежливым смехом, в прошлый раз она закончилась сломанным носом, двумя слушаниями дисциплинарной комиссии, а для Бакстер – еще и многочасовым заполнением всевозможных бумажек.

Подобные мероприятия она ненавидела: провода после десятилетий опасной службы в полиции, оставившей множество воспоминаний, о которых любой предпочел бы забыть, всегда казались ей верхом бестактности и фальши, неизменно принося одни лишь разочарования. Она держалась сзади, вместе со всеми улыбкой поддерживая друга, и с теплотой смотрела на него. Детектив Шоу был ее последним надежным союзником и единственным человеком, которому она была здесь рада. Теперь он уходил, а она даже не купила ему открытку.

В ее кабинете зазвонил телефон.

Она его проигнорировала, глядя, как Финли усиленно, но не очень удачно делает вид, что коллеги, купив в складчину бутылку виски, не прогадали и выбрали именно тот сорт, который ему нравится.

Детектив Шоу предпочитал «Джеймсон» – как и Волк.

Ее мысли блуждали. Она вспомнила, как покупала Финли выпивку в последний раз, когда они встречались в неофициальной обстановке. С тех пор прошел почти год. В тот день он признался, что не жалеет об отсутствии у него особых амбиций. Потом предупредил, что должность старшего инспектора не для нее, что ей будет скучно, что на этом пути ее ждет множество разочарований. Эмили не послушалась, потому что Финли не мог понять одного: она не ждала повышения и согласилась на него только потому, что оно отвлекало внимание, предлагало перемены, давало надежду на спасение.

Телефон в ее кабинете зазвонил вновь, и она бросила взгляд на свой стол. Финли в этот момент читал одну и ту же фразу – «Жаль, что ты уходишь», – начертанную разными руками на открытке пейнтбольной команды «Миньонс», фанатом которой его по ошибке считали.

Эмили посмотрела на часы. В кои-то веки сегодня ей действительно надо было закончить с делами пораньше.

Тихо посмеиваясь, Финли отложил в сторону открытку и начал свою прочувствованную прощальную речь. Поскольку он терпеть не мог выступать на публике, ему хотелось закончить ее как можно быстрее.

– Нет, серьезно, позвольте мне вас искренне поблагодарить. Я таскался сюда, еще когда Нью-Скотленд-Ярд был реально новым...

Детектив Шоу сделал паузу, в надежде, что хоть кто-то из присутствующих засмеется. Его выступление и так грозило стать провальным, а теперь он еще и запорол свою лучшую шутку. Так и не дождавшись реакции, старый полицейский все же продолжил, зная, что дальше будет только хуже:

– Это здание и те, кто в нем трудится, были для меня не только работой и коллегами – вы стали моей второй семьей.

Женщина в переднем ряду замахала руками, чтобы высушить набежавшие на глаза слезы. Финли попытался ей улыбнуться, как бы давая понять, что он помнит ее и разделяет ее чувства. Потом оглядел присутствующих, выискивая глазами единственного человека, которому в действительности и предназначалась его прощальная речь.

– Я с удовольствием наблюдал, как многие из вас на моих глазах росли, из самонадеянных новобранцев превращаясь в сильных, независимых, прекрасных, храбрых женщин-полицейских... и мужчин... – добавил он, опасаясь, что мог только что выдать себя, – ...для меня было истинным счастьем работать бок о бок с вами, каждым из вас я *искренне* горжусь. Спасибо вам.

Он откашлялся, улыбнулся аплодирующим коллегам и наконец увидел Бакстер.

Она стояла у стола за закрытой стеклянной дверью своего кабинета и отчаянно жестикулировала, разговаривая с кем-то по телефону. Он снова улыбнулся, на этот раз грустно, коллеги вернулись к своим делам, оставив его одного собирать вещи. Сегодня ему предстояло в последний раз уйти с работы и больше никогда сюда не возвращаться.

Когда Финли стал укладывать фотографии, годами стоявшие на рабочем столе, от нахлынувших воспоминаний движения его замедлились. Его мыслями всецело завладел потускневший, выцветший снимок, сделанный когда-то во время рождественского корпоратива. Лысеющую голову Финли венчала корона из папье-маше, к вящему удовольствию его друга Бенджамина Чемберса, обнимающего Бакстер, которая на этой фотографии – единственный раз за всю жизнь – была запечатлена с улыбкой на лице. А с краю, самым плачевным образом проспорив, что ему удастся поднять Финли над землей, стоял Вильям... Волк.

Шоу аккуратно спрятал снимок в карман пиджака и упаковал оставшиеся вещи.

Направляясь к выходу из офиса, старый детектив застыл в нерешительности. Ему казалось, что он не вправе распорядиться забытым письмом, обнаруженным им на дне ящичка стола. Сначала он подумывал его там и оставить, затем порвать, но, в конечном итоге, бросил в коробку со своими пожитками и направился к лифтам, полагая, что у него просто появилась еще одна тайна, которую нужно будет сохранить.

В 7 часов 49 минут Бакстер все еще сидела за столом. Она послала уже сотню эсэмэсок, извиняясь за опоздание и обещая уйти с работы, как только освободится. По вине командера Эмили не только полностью пропустила речь, произнесенную Финли в честь своего увольнения, но теперь еще не могла пойти на вечеринку – впервые за много месяцев ее позвали куда-то, где она могла пообщаться с друзьями в неформальной обстановке. Начальница попросила дожидаться ее приезда.

Большой любви между двумя женщинами не наблюдалось. Ванита, исполнявшая в столичной полиции обязанности представителя по связям с общественностью, открыто выступала против назначения Бакстер на новую должность. Во время работы над делом Тряпичной куклы Ванита пожаловалась комиссару, что детектив самоуверенна, упряма, по поводу и без повода идет на конфликт, совершенно не уважает старших по должности и даже считает ее саму виновной в смерти одной из жертв.

Бакстер видела в Ваните прогибающуюся перед журналистами змею, которая не задумываясь принесла Симмонса в жертву при первых признаках приближающейся опасности.

В довершение всех бед Бакстер открыла пришедшую по электронной почте автоматическую рассылку отдела учета, в который раз сообщавшую, что Волк должен вернуть несколько важных дел. Она просмотрела внушительный список и сразу многие из них узнала...

Беннетт Сара: женщина, утопившая в плавательном бассейне рядом с домом собственного мужа. Бакстер благоразумно никому не сказала, что это дело спрятано за радиатором в переговорке.

Лео Дюбуа: ножевое ранение при свидетелях, впоследствии вылившееся в громкое дело о контрабанде наркотиков и незаконной торговле оружием и людьми, потребовавшее вмешательства целого ряда правоохранительных ведомств.

Им с Волком пришлось над ним немало поработать.

Бакстер увидела, что в офис в сопровождении двух человек вошла Ванита. Это никак не согласовывалось с ее намерением уйти с работы к восьми часам. Бакстер даже не потрудилась встать, когда та вплыла в ее кабинет и поприветствовала с таким искренним радушием, что она ей почти поверила.

– Старший инспектор Эмили Бакстер, специальный агент Эллиот Кертис из ФБР, – объявила Ванита, откидывая назад свои темные волосы.

– Рада познакомиться, мэм, – произнесла высокая чернокожая женщина и протянула Эмили руку.

На агенте брючный костюм, очень похожий на мужской, ее волосы были стянуты на затылке так туго, что голова даже казалась обритой наголо, на лице был аккуратный сдержанный макияж. Хотя на вид ей было немного за тридцать, Эмили заподозрила, что на самом деле она моложе.

Не вставая со стула, она пожала Кертис руку, и Ванита представила второго гостя, которого, казалось, больше интересовал сломанный сейф, нежели процесс знакомства.

– А это специальный агент...

– Хотела бы я знать, что же такого *специального* их сюда привело, – пошла в наступление детектив, – раз в это жалкое подобие кабинета их ввалилось сразу двое.

– Как я уже сказала, это специальный агент Дамьен Руч из ЦРУ, – продолжала Ванита, не обращая внимания на ее реплику.

– Как-как? Руч? – переспросила Бакстер.

– Руч? – несмело повторила Ванита, не уверенная до конца в своем произношении.

– Я полагаю, Руш... Как в слове «куш»... – услужливо добавила Кертис, поворачиваясь к коллеге из ЦРУ за советом.

Бакстер озадачило, когда смущенный агент вежливо ей улыбнулся, слегка стукнул по ее кулаку своим и, не говоря ни слова, сел за стол. По ее прикидкам, ему было под сорок. Гладко выбрит, болезненно бледен, волосы с обильной проседью чуть длинноваты. Он лукаво посмотрел на кипу бумаг на столе, перевел взгляд на корзину для мусора, в надежде застывшую внизу, и ухмыльнулся. На нем была белая рубашка с двумя расстегнутыми верхними пуговицами и синий костюм – хоть и поношенный, но сидящий хорошо.

Бакстер повернулась к Ваните и выжидательно посмотрела на нее.

– Агенты Кертис и Руш сегодня вечером прилетели из Америки, – сказала та.

– Для этого должна быть причина, – ответила Бакстер спокойнее, чем ей того хотелось бы, – я сегодня тороплюсь, поэтому...

– Вы позволите, командер? – вежливо спросила Кертис Ваниту и повернулась к детективу. – Старший инспектор, вы, конечно же, слышали о теле, обнаруженном около недели назад. Мы...

Бакстер ничего не ответила и только пожала плечами, озадачив Кертис, едва та успела начать.

– Нью-Йорк? Бруклинский мост? – изумленно спросила агент. – Сенсация, о которой трубили новостные каналы всего мира?

Бакстер пришлось подавить зевок.

Руш сунул руку в карман пиджака. Кертис умолкла, полагая, что он достанет что-нибудь важное, но он лишь извлек упаковку мармелада и разорвал ее. Увидев на лице коллеги гневное выражение, предложил ей мармеладку.

Напрочь его игнорируя, Кертис открыла сумку, положила на стол папку, вытащила несколько увеличенных фотографий и разложила их на столе перед Бакстер.

В этот момент Эмили поняла, почему эти люди проделали такой долгий путь, чтобы с ней встретиться. Первый снимок был сделан с улицы, камеру направили снизу вверх. На фоне городских огней болталось подвешенное в сотне футов над землей тело с неестественно растопыренными конечностями.

– Мы еще не предали этот факт огласке, но имя жертвы – Вильям Коукс.

На секунду у Бакстер перехватило дыхание. Она и без того уже испытывала от голода слабость, теперь же ей и вовсе стало казаться, что сознание вот-вот отключится. Когда она прикоснулась к изувеченной фигуре, обрамленной опорами знаменитого моста, ее рука дрогнула. Детектив чувствовала, что они не сводят с нее глаз и внимательно вглядываются в лицо, наверняка воскрешая в памяти сомнения по поводу предложенной ею несуразной версии событий, закончившихся поимкой маньяка, который стоял за делом Тряпичной куклы.

– *Это* не он, – медленно произнесла Кертис с выражением любопытства на лице, отодвинула верхний снимок и показала несколько крупных планов обнаженной, тучной, совершенно незнакомой жертвы.

Бакстер поднесла руку ко рту, все еще слишком потрясенная, чтобы что-то сказать.

– Он работал в инвестиционном банке П. Дж. Хендерсона. Жена, двое детей... Но нам подобным образом кто-то оставил сообщение.

Бакстер взяла себя в руки – в достаточной степени, чтобы просмотреть оставшиеся фотографии, в разных ракурсах запечатлевшие труп. Никаких стежков, все тело принадлежит одному человеку – совершенно голому мужчине за пятьдесят. Левая рука свободно свисает, на груди вырезано слово «Наживка». Просмотрев остальные фото, детектив вернула их Кертис.

– «Наживка»? – спросила она, глядя в пространство между агентами.

– Теперь, надеюсь, вы понимаете, почему мы решили поставить вас в известность, – сказала Кертис.

– Честно говоря, нет, – ответила Бакстер, быстро возвращаясь в свое обычное состояние.

Кертис ошеломленно повернулась к Ваните:

– Я полагаю, ваш отдел, больше чем любой другой, пожелает...

– Вам известно, сколько за последний год в Великобритании было совершено преступлений в духе Тряпичной куклы? – перебила ее детектив. – По моим данным, зафиксировано семь подобных случаев, и я *усиленно стараюсь* ничего о них не знать.

– И вас это никоим образом не беспокоит? – спросила Кертис.

Бакстер не понимала, зачем ей нужен еще и этот кошмар в дополнение к пяти другим, которые в то утро легли ей на стол.

– Мало ли на свете идиотов... – пожала плечами она.

Руш чуть не подавился апельсиновой мармеладкой.

– Послушайте, Летаниэл Масс был очень умным, изобретательным и плодовитым серийным убийцей. Что касается остальных, то они просто извращенцы, обезображивающие трупы до тех пор, пока их не возьмут прямо на месте преступления местные копы.

Бакстер выключила компьютер и сложила в сумку вещи, собираясь уходить.

– Полтора месяца назад, на Хеллоуин, у двери моей квартиры оставили Тряпичную куклу размером в три фута. Какой-то педик в берете решил сшить вместе несколько конечностей убитых животных. Сейчас это «творение» стало очередным экспонатом галереи «Тейт Модерн», которым любитесь рекордное число педиков, беретов, а заодно и педиков в беретах.

Руш засмеялся.

– Какие-то полоумные скоты даже сняли на эту тему телешоу. Тряпичные куклы в этой стране сейчас повсюду, и нам остается только одно – научиться с этим жить, – довела она до конца свою мысль.

Потом повернулась к Рушу, в этот момент высматривающему что-то в своем пакете с мармеладом.

– Он у вас что, не говорит? – спросила она Кертис.

– Предпочитает слушать, – горько ответила та таким тоном, будто проработала всего неделю с этим эксцентричным коллегой, но уже от него устала.

Эмили перевела взгляд обратно на Руша.

– Неужели они что-то поменяли? – наконец невнятно произнес он набитым пастилками ртом, когда понял, что все три женщины ждут, что он тоже, наконец, примет участие в беседе.

Бакстер с удивлением обнаружила, что агент ЦРУ говорит с безупречным британским акцентом.

– Кто? – спросила она, напрягая слух, чтобы определить, не имитирует ли он акцент, сбивая ее с толку.

– Производители мармелада, – ответил Руш, ковыряясь в зубах, – раньше у него был совсем другой вкус.

Кертис озадаченно и недовольно потерла лоб. Бакстер подняла руки, нетерпеливо посмотрела на Ваниту и резко бросила:

– Мне надо идти.

– У нас есть все основания полагать, что это не банальная имитация Тряпичной куклы, старший инспектор, – гнула свое Кертис, тыча пальцем в фотографии и пытаясь вернуть разговор в нужное русло.

– Вы совершенно правы, – ответила ей детектив, – об *имитации* здесь говорить не приходится, хотя бы потому, что нет сшитых фрагментов тел.

– Было совершено еще одно убийство! – резко бросила Кертис, но тут же перешла на привычный профессиональный тон. – Два дня назад. Место преступления оказалось... *благоприятным* в том смысле, что нам удалось предотвратить утечку сведений в средства массовой информации, по крайней мере пока. Но если оценивать ситуацию реально, то скрывать преступление... – Она посмотрела на Руша, ожидая от него поддержки, а когда так ее и не дождалась, продолжила: – ... *подобного рода* от общественности нам удастся еще самое большее день.

– От общественности? – скептически спросила Бакстер.

– У нас к вам есть одна небольшая просьба, – сказала Кертис.

– И одна большая, – добавил Руш.

Теперь, прожевав и проглотив мармелад, он говорил еще лучше и красивее.

Бакстер хмуро глянула на него, то же самое сделала и Кертис, потом Ванита сердито посмотрела на Эмили, не дожидаясь, пока та запротестует. Руш для ровного счета окинул Ваниту недобрый взглядом, после чего Кертис повернулась к детективу и сказала:

– Нам хотелось бы допросить Летаниэла Массы.

– Так вот почему к этому делу подключились одновременно ФБР и ЦРУ – преступление подпадает под юрисдикцию США, но в его совершении подозревается англичанин. Делайте что хотите, но меня не трогайте, – ответила детектив, пожимая плечами.

– В вашем присутствии, конечно же.

– И думать забудьте. Я не вижу причин к нему ехать. Вопросы с карточки можете прочесть и сами. Я на вас вполне полагаюсь.

В ответ на эту саркастическую ремарку губы Руша расплылись в улыбке.

– Мы, естественно, будем рады помочь вам всеми доступными средствами. Я правильно говорю, старший инспектор? – произнесла Ванита, злобно сверкая глазами. – Взаимоотношения с ФБР и ЦРУ для нас чрезвычайно важны, поэтому...

– О господи! – выпалила Эмили. – Ну хорошо, я отведу вас к нему за ручку. А в чем заключается маленькая просьба?

Руш и Кертис переглянулись. Даже Ванита, и та неловко заерзала на стуле, ожидая, когда кто-то из них осмелится заговорить.

– *Это* и была маленькая... – тихо ответила Кертис.

Бакстер была на грани взрыва.

– Мы хотели бы, чтобы вы вместе с нами осмотрели место преступления, – продолжала агент ФБР.

– Вы имеете в виду фотографии? – сдавленным шепотом спросила Бакстер.

Руш выпятил нижнюю губу и покачал головой.

– Я уже согласовала с комиссаром вашу командировку в Нью-Йорк и сама заменю вас на время отсутствия, – проинформировала Ванита.

– Не надорветесь? – в раздражении спросила ее Эмили.

– Ничего... как-нибудь справлюсь, – ответила командер, с лица которой сползла профессиональная маска, что случилось с ней очень редко.

– Это просто смешно! Как, черт возьми, я могу помочь в расследовании дела, не имеющего ко мне никакого отношения, да еще на другом конце света?

– Никак не сможете, – искренне ответил Руш, совершенно обезоружив Бакстер, – чистой воды пустая трата времени... всех наших времен.

В разговор опять вступила Кертис:

– Мой коллега хотел сказать, что рядовые американцы отнесутся к этому делу совсем не так, как мы. Узнав, что в США совершаются преступления в духе британской Тряпичной куклы, они захотят понаблюдать за тем, как коп, поймавший здесь маньяка, будет охотиться на тамошних монстров.

– Монстров? – спросила Бакстер.

Теперь уже Руш посмотрел на коллегу, явно сказавшую больше, чем предполагалось на этой стадии, и закатил глаза, но последовавшая за этим тишина красноречиво продемонстрировала детективу, что женщина опомнилась и удвоила бдительность.

– Значит, вы решили провести обычную пиар-акцию? – спросила Бакстер.

– А чем, по-вашему, старший инспектор, мы все в этой жизни занимаемся? – с улыбкой произнес Руш.

Глава 3

*Вторник, 8 декабря 2015 года,
8 часов 53 минуты вечера*

– Эй? Надеюсь, меня простят за опоздание! – крикнула Бакстер из прихожей, сняла сапоги и вошла в гостиную.

Прохладный сквозняк доносил из кухни многообразие самых изумительных ароматов, из динамика айпода в углу лилось ненавязчивое пение очередного хипстерского барда-однодневки.

Стол был накрыт на четверых, зажженные декоративные свечи наполняли комнату золотистым сиянием, в котором еще ярче горела огненная шевелюра долгового, нескладного Алекса Эдмундса. Бывший коллега подошел к Бакстер с пустой пивной бутылкой в руке.

Чтобы обнять его, Бакстер, несмотря на ее немалый рост, пришлось встать на цыпочки.

– А где Тиа? – спросила она друга.

– Опять говорит по телефону с няней... – ответил тот.

– Эм? Это ты? – донесся с кухни хорошо поставленный голос.

Бакстер промолчала, слишком уставшая для того, чтобы тащиться помогать с ужином.

– У меня здесь есть вино! – весело добавил голос.

Перед этим соблазном она не устояла и направилась на безукоризненную кухню, больше напоминавшую выставочный зал, в приглушенном свете которой что-то шкворчало сразу на нескольких дорожущих сковородках. Над ними колдовал мужчина в стильной рубашке, поверх которой был надет длинный передник. Он без конца помешивал содержимое сковородок, делая больше или убавляя огонь. Она подошла к нему и чмокнула в губы.

– Я по тебе соскучился, – сказал Томас.

– Ты что-то такое говорил о вине, – напомнила она ему.

Он засмеялся и налил ей бокал из откупоренной бутылки.

– Спасибо, – сказала Бакстер, – как раз то, что мне сейчас нужно.

– Не благодари меня. Это все Алекс и Тиа.

Они повернулись к стоявшему в дверном проеме Эдмундсу и подняли бокалы. Потом Бакстер прислонилась к разделочному столу и стала наблюдать за тем, как Томас готовит.

Эмили познакомилась с ним восемь месяцев назад, во время одной из периодических, но неизменно превращающихся в кошмар забастовок служащих лондонского метро. Томас вмешался, когда Бакстер в бешенстве пыталась без всякого на то повода арестовать одного из рабочих, устроивших пикет, чтобы добиться повышения зарплаты и улучшения условий труда. Заметил, что если она выполнит угрозу, задержит этого джентльмена, облаченного в дорожную куртку из светоотражающего материала, и заставит его прошагать вместе с ней шесть миль до Уимблдона, то с точки зрения закона ее вполне можно будет привлечь к ответственности за похищение человека. После чего она арестовала уже его самого.

Томас был мужчина благородный и искренний. По-своему красив, великодушен, с хорошим музыкальным вкусом и на десять лет старше ее. С ним было спокойно. Он знал, что собой представляет и к чему стремится: к нормальной, размеренной, тихой жизни. К тому же адвокат. При мысли о том, как бы его ненавидел Волк, ее губы расплылись в улыбке. Эмили не раз задумывалась о том, не это ли ее в нем в первую очередь привлекало.

Элегантный таунхаус, в котором они решили устроить вечеринку, принадлежал Томасу. В последние несколько месяцев он не раз предлагал ей переехать к нему. Хотя Бакстер перевезла сюда некоторые вещи и даже помогла сделать ремонт в большой спальне, ей категориче-

ски не хотелось отказываться от квартиры на главной улице Уимблдона, и она по-прежнему держала там своего кота Эхо в качестве предлога постоянно возвращаться домой.

Четверо друзей сели за стол; за ужином они рассказывали друг другу бородастые истории, которые со временем становились все менее достоверными, но все более веселыми, а также проявляли живейший интерес к таким банальным вопросам, как работа, воспитание детей и лучший рецепт приготовления лосося. Держа Тиа за руку, Эдмундс с воодушевлением говорил о своем продвижении по службе в отделе по борьбе с финансовыми преступлениями и несколько раз повторил, как много времени он теперь может проводить с семьей, в которой не так давно появилось пополнение. Когда зашла речь о делах на работе, Бакстер не стала упоминать ни о визите заокеанских коллег, ни о незавидной миссии, ожидавшей ее на следующее утро.

В 10 часов 17 минут вечера Тиа уснула на диване, а Томас отправился наводить порядок на кухне, оставив Бакстер и Эдмундса наедине. Алекс наполнил бокалы вином до краев, и они с Эмили завели непринужденный разговор, глядя на догорающее пламя свечей.

– Как у тебя дела в отделе? – тихо спросила детектив, бросив взгляд на диван, чтобы проверить, что Тиа и правда уснула.

– Говорю тебе... все в порядке... – ответил Эдмундс.

Бакстер терпеливо ждала.

– Нет, правда, все хорошо, – сказал он, сложив на груди руки, будто переходя в оборонительную позицию.

Эмили молчала.

– Потихоньку работаю. А ты что хотела от меня услышать?

Когда же она и на этот раз отказалась принять его ответ, он наконец улыбнулся.

Бакстер слишком хорошо его знала.

– Мне там до омерзения скучно... нет, я не жалею, что ушел из убойного, но...

– Звучит, как будто еще как жалеешь, – сказала детектив.

При каждой встрече она пыталась уговорить его вернуться обратно.

– Я привык жить своей жизнью. И очень привык видеть дочь.

– Ты растрачиваешь себя попусту, – искренне возразила Бакстер.

Официально именно она поймала знаменитого убийцу, смастерившего Тряпичную куклу, но в действительности дело раскрыл Эдмундс. Он один сумел разглядеть истину за пеленой лжи и обмана, застывшей взор ей и другим членам их команды.

– Я скажу так: если ты назначишь меня на должность детектива, но позволишь работать только с девяти до пяти, я сегодня же вечером напишу рапорт о переводе, – улыбнулся Эдмундс, зная, что разговор на этом можно считать законченным.

Бакстер отступилась и стала потягивать вино. Томас по-прежнему гремел посудой на кухне.

– Завтра мне надо ехать в тюрьму к Массу, – обронила она с таким видом, будто ей каждый день приходилось допрашивать серийных убийц.

– Что? – воскликнул Эдмундс, поперхнулся и выплюнул глоток купленного за полцены «Совиньон Блан». – Но почему?

Он был единственным, кому Эмили рассказала правду о том, что случилось в день ареста Летаниэла Массы. Они оба не могли знать наверняка, что конкретно запомнил маньяк. Он получил множество травм и чуть не отправился на тот свет, но Эмили всегда боялась, что Масс сохранился в его памяти что-нибудь лишнее, сможет без труда разрушить ее жизнь, если на то будет воля его больного мозга.

Бакстер рассказала Алексу о разговоре с Ванитой и двумя «специальными» агентами, упомянув и о том, как ее откомандировали осмотреть вместе с ними место преступления в Нью-Йорке.

Эдмундс слушал молча, и чем больше она говорила, тем явственнее на его лице проступало беспокойство.

– Я думал, дело закрыто, – протянул он, когда она закончила.

– Так оно и есть. Просто еще одна имитация Тряпичной куклы.

Судя по виду, Эдмундс в этом был не так уверен.

– У тебя есть какие-то соображения? – спросила Бакстер.

– Ты сказала, что на груди у жертвы вырезали слово «Наживка».

– Ну да.

– «Наживка»... Хотел бы я знать, для кого.

– Хочешь сказать, для меня? – недовольно фыркнула Бакстер, без труда догадавшись по тону Эдмундса, что именно он хотел сказать.

– Парня звали так же, как Волка, а теперь и ты оказалась втянута в это дело, удивительно.

Бакстер тепло улыбнулась другу и добавила:

– Это лишь очередная имитация, не более того. Не волнуйся за меня.

– Я всегда за тебя волнуюсь.

– Кофе? – спросил Томас, стоя в дверном проеме и вытирая руки кухонным полотенцем. Его слова застали их врасплох.

– Да, если можно, – ответил Эдмундс.

Бакстер отказалась, и Томас вновь исчез на кухне.

– У тебя для меня, случаем, ничего нет? – прошептала она.

Эдмундсу было явно не по себе. Бросив взгляд на открытую дверь кухни, он неохотно вытащил белый конверт из кармана висевшего на спинке стула пиджака.

Но отдавать сразу не стал, положил перед собой на стол и в который раз попытался убедить Бакстер его не брать.

– Тебе это не нужно.

Эмили потянулась, чтобы взять конверт, но Алекс перехватил его.

Бакстер разозлилась.

– Томас хороший человек, – тихо молвил Алекс, – ему можно верить.

– Я доверяю *только* одному человеку – тебе.

– Если будешь продолжать в том же духе, ничего хорошего у вас с ним не получится.

Они оба посмотрели в сторону кухни – раздался звон фарфоровых чашек. Бакстер вскочила на ноги, выхватила из рук Эдмундса конверт и села – в тот самый момент, когда в гостиную с кофе в руках вошел Томас.

Когда в двенадцатом часу ночи Эдмундс слегка потряс жену за плечо, чтобы разбудить, Тиа бросилась рассыпаться в извинениях. На пороге, пока Томас желал Тиа доброй ночи, Эдмундс обнял Бакстер и прошептал на ухо:

– Не вскрывай его, тебе самой будет лучше.

Эмили сжала его в объятиях, но ничего не сказала.

Когда они ушли, Бакстер допила вино и надела пальто.

– Ты не останешься? – спросил Томас. – Мы с тобой почти не пообщались.

– Надо покормить Эхо, – ответила она, натягивая сапоги.

– Я не смогу тебя отвезти – слишком много выпил.

– Ничего, возьму такси.

– Оставайся.

Она потянулась к нему, твердо решив не сходить в просыревшей обуви с коврика у двери. Томас поцеловал ее и разочарованно улыбнулся.

– Спокойной ночи.

Незадолго до полуночи Бакстер открыла дверь своей квартиры. Затем, не чувствуя даже намека на усталость, взяла бутылку красного, села на диван, включила телевизор, бездумно потыкала пультом, ничего не нашла и обратилась к собранной ею подборке рождественских фильмов.

В конце концов она остановила выбор на картине «Один дома – 2», совершенно не заботясь о том, уснет на половине или нет. Если первую часть она тайком считала своим любимым фильмом, то вторая казалась ей безвкусной имитацией, авторы которой попались в старую ловушку, решив, что, если переместить ту же самую историю в Нью-Йорк, из нее получится более качественный и удачный сиквел.

Досмотрев до половины, как Маколей Калкин с легким сердцем пытался совершить убийство, она налила остатки вина в бокал, вспомнила о конверте в кармане пальто и извлекла его на свет. В голове тут же всплыла просьба Эдмундса его не открывать.

Восемь месяцев тот рисковал карьерой и злоупотреблял служебным положением в отделе по борьбе с финансовыми преступлениями. Примерно раз в неделю Алекс предоставлял Бакстер подробный отчет о доходах Томаса, проводя в отношении его счетов стандартные процедуры проверки на предмет подозрительной или мошеннической деятельности.

Она знала, что просит у него слишком многого. Знала, что Эдмундс считал Томаса другом и, таким образом, обманывал его доверие. Но знала и то, почему он делал это для нее сейчас и будет делать впредь: ему очень хотелось, чтобы Бакстер была счастлива. С тех пор, как из ее жизни исчез Волк, ее столько раз обманывали, что она тут же отказалась бы от спокойного будущего с Томасом, если бы Алекс без конца не оценивал для нее степень доверия, которое можно оказывать ее новому бойфренду.

Не распечатывая конверт, она положила его на журнальный столик в ногах дивана и попыталась сосредоточиться на сцене, в которой голова одного из бандитов полыхнула огнем от паяльной лампы. На нее будто пахнуло запахом горелой плоти. Ей вдруг вспомнилось, как быстро обугливается и отмирает ткань, как человек кричит от боли, когда у него обгорают нервные окончания...

Но человек на экране вынул опаленную голову из унитаза и пошел дальше, будто ничего не случилось.

Все это ложь; в жизни никому нельзя верить.

Бакстер в три глотка прикончила бокал и разорвала конверт.

Глава 4

*Среда, 9 декабря 2015 года,
8 часов 19 минут утра*

За ночь Лондон замерз.

Немощное зимнее солнце казалось далеким и чужим, его безжизненный, холодный свет не мог растопить морозное утро. Пока Бакстер ждала на главной улице Уимблдона, когда за ней приедут, у нее оковенели пальцы. Она посмотрела на часы: уже двадцать минут задержки, и это время она могла провести с чашкой кофе в руках в своей уютной квартире.

Мороз стал покусывать лицо, она начала притоптывать ногами, чтобы согреться. Ей пришлось надеть смешную шерстяную шапочку с помпоном и такие же перчатки – подарок Томаса.

Унылый асфальт искрился серебром; по тротуару ковыляли прохожие, подозревая, что тот всерьез намеревался поломать им ноги. Через оживленную улицу перекрикивались два человека, от их дыхания над головами поднимался пар, напомилавший облачка, в которых в комиксах пишут реплики персонажей.

На перекрестке остановился двухэтажный автобус, и она увидела себя в запотевшем окне, смущенно стянула с головы оранжевую шапочку и сунула ее в карман. Поверх ее собственного отражения на борту машины красовалась знакомая реклама:

АНДРЕА ХОЛЛ, «АКТ ЧРЕВОВЕЩАНИЯ: ПОСЛАНИЯ ОТ КИЛЛЕРА»

Не удовлетворившись славой и богатством, которые через несчастья других свалились на бывшую жену Волка, когда она взяла на себя роль официального представителя СМИ в расследовании дела Тряпичной куклы, она оказалась достаточно высокомерной, чтобы опубликовать автобиографический опус о пережитом.

Когда автобус двинулся дальше, с его заднего окна Бакстер улыбнулся огромный портрет Андреа. Журналистка выглядела моложе и привлекательнее, чем когда-либо, ее удивительные рыжие волосы были коротко подстрижены – очевидно, такая прическа теперь будет у многих. Сама Эмили на такую стрижку никогда не решилась бы. Не дожидаясь, пока элегантно лицо журналистки окажется за пределами досягаемости, Бакстер открыла сумочку, вытаскила коробку с ланчем, сняла с помидорного сэндвича основной ингредиент, швырнула его в сторону автобуса, и в ту же секунду на гигантской глупой физиономии гигантской глупой бабы расплылось радостное красное пятно.

– Старший инспектор?

Эмили вздрогнула.

Она даже не заметила, как к автобусной остановке подкатил огромный минивэн. Бакстер опустила коробку с ланчем обратно в сумку, повернулась и увидела перед собой обеспокоенное лицо специального агента.

– Что это с вами? – осторожно спросила Кертис.

– Ничего, просто я... – детектив умолкла, надеясь, что стоявшая перед ней безупречная и профессиональная молодая женщина довольствуется этим расплывчатым объяснением ее странного поведения.

– Швыряетесь едой в автобусы? – предположила Кертис.

– Э-э-э... да.

Бакстер подошла к машине, Кертис отодвинула в сторону боковую дверь, и ее взору предстал просторный интерьер, скрывавшийся за тонированными стеклами.

– *Американцы*, – презрительно прошептала про себя детектив.
– Как сегодня утром наши дела? – вежливо спросила Кертис.
– Как ваши, не знаю, но я, пока вас ждала, замерзла как собака.
– Да, я, конечно, прошу прощения за опоздание, но мы даже не предполагали, что на дорогах будут такие пробки.
– Это Лондон, – сказала Эмили, просто констатируя факт.
– Садитесь.
– Вы уверены, что там для меня есть место? – иронично спросила Бакстер, неуклюже забираясь в минивэн.

Когда она села, под ней скрипнула кремового цвета кожа. Она подумала, не убедиться ли, что этот звук издало именно сиденье, а не она сама, но потом здраво рассудила, что подобная неприятность может случиться с любым пассажиром, занимающим место в салоне.

Потом посмотрела на Кертис и улыбнулась.

– Располагайтесь, – сказала американка, захлопнула дверь и велела водителю ехать.
– Руша сегодня с нами не будет? – спросила детектив.
– Мы подхватим его по пути.

Все еще дрожа, но уже постепенно оттаивая от обогревателя минивэна, она на мгновение задумалась, почему это агенты остановились в разных отелях.

– Боюсь, вам придется привыкать к такой погоде. Нью-Йорк тоже на два фута засыпало снегом.

Кертис порылась в своей сумке и вытащила небольшую элегантную черную шапочку сродни той, что была на ней.

– Держите.

И протянула ее Бакстер, которая на мгновение взглянула на нее с надеждой, но потом вдруг увидела три жирные выбитые на лбу буквы «ФБР» – самую верную для снайпера мишень из всех когда-либо виденных детективом в жизни.

Эмили отдала ее обратно Кертис.

– Спасибо, но у меня есть своя, – сказала она, достала из кармана оранжевое уродство и натянула на голову.

Кертис пожала плечами и некоторое время созерцала городской пейзаж за окном.

– Вы с ним виделись после случившегося? – наконец спросила она. – Я имею в виду Массу.

– Только в суде, – ответила Бакстер, пытаясь сообразить, куда они едут.

– Признаться, я немного нервничаю, – улыбнулась Кертис.

На короткий миг Эмили засмотрелась на безупречную голливудскую улыбку молодой женщины. Потом обратила внимание на идеальную темную кожу лица и подумала, что даже не может сказать, результат ли это искусного макияжа или нет. Потом немного застеснялась, потербила прядку волос и уставилась в окно.

– Ведь что ни говорите, но Масс стал живой легендой, – продолжала Кертис, – я слышала, его уже стали изучать в полицейской школе. Можно не сомневаться, что в один прекрасный день это имя будут упоминать наряду с Тедом Банди и Джоном Уэйном Гейси¹. Это, можно сказать, честь, правда? За неимением более подходящего слова.

Бакстер окатила собеседницу разъяренным взглядом своих огромных глаз.

¹ Тед Банди (1946–1989) – американский серийный убийца, насильник, похититель людей и некрофил, действовавший в 1970-е годы. Незадолго до казни признался в 30 убийствах, хотя в действительности его жертв может быть гораздо больше. Джон Уэйн Гейси (1942–1994) – серийный убийца, изнасиловавший и убивший 33 молодых человека, в том числе троих подростков. – *Здесь и далее примечания переводчика.*

– Я вам советую поискать подходящее! – рявкнула она. – Этот помешанный мешок с дерьмом убил и расчленил моего друга. Думаете, это смешно? Может, вы еще автограф у него возьмете?

– Я не хотела вас оскорбить...

– Вы лишь напрасно теряете свое время. Как и мое. А заодно и время этого парня, – сказала Эмили, махнув рукой на человека на водительском сиденье. – Масс даже не может говорить. Насколько мне известно, у него до сих пор проблемы с челюстью.

Кертис откашлялась и села прямее.

– Извините меня за...

– Если хотите попросить прощения, лучше помолчите, – перебила ее Бакстер, закругля разговор.

Всю оставшуюся дорогу женщины сидели молча. Эмили смотрела на отражение Кертис в окне. Та не казалась ни рассерженной, ни возмущенной – всего лишь расстроилась из-за своего неуместного комментария. Детектив видела, что специальный агент безмолвно шевелила губами, то ли репетируя извинения, то ли размышляя, что окажется причиной их следующей неизбежной стычки.

Чувствуя себя немного виноватой за вспышку гнева, Бакстер вспомнила, как сама полтора года назад пришла в чрезмерное возбуждение, когда впервые увидела перед собой Тряпичную куклу, – поняла, что соприкоснулась с чем-то чудовищным, и стала фантазировать, какие головокружительные последствия ждут ее карьеру после такого расследования. Она уже собиралась что-то сказать, но в этот момент машина повернула и припарковалась у большого дома в приятном пригороде. Бакстер никак не могла сообразить, где они.

Она в замешательстве уставилась на здание, выстроенное в псевдотюдоровском стиле, которому каким-то образом удавалось оставаться одновременно заброшенным и уютным. Сквозь глубокие трещины в подъездной дорожке пробивались внушительного вида сорняки. Разрозненные, приглушенных тонов лампочки рождественской гирлянды отчаянно льнули к облупившейся краске оконных рам, обрамлявших мутные стекла; над дымоходом, увенчанным птичьим гнездом, лениво курился дымок.

– Странный отельчик, – прокомментировала она.

– В этом доме живет семья Руша, – объяснила Кертис, – насколько я знаю, время от времени они приезжают к нему в Штаты, а он, когда есть возможность, навещает их здесь. По его словам, в Америке он живет в гостиницах. Такая уж у нас работа – все время в разъездах.

Руш вынырнул из дома, доедая на ходу тост. И сразу будто слился с морозным утром: его белая рубашка и синий костюм перекликались с редкими облачками, плывшими по небу, а серебристые пряди поблескивали точно так же, как ледяной наст.

Он заскользил по подъездной дорожке, а когда Кертис вышла из машины, чтобы его поприветствовать, врезался в нее, но так и не выпустил из рук тост.

– О господи, Руш! – жалобно воскликнула она.

– А колымагу еще больше вы не нашли? – услышала Бакстер насмешливый вопрос Руша перед тем, как специальные агенты сели обратно в микроавтобус.

Он сел у окна напротив Эмили, предложил ей кусочек своего тоста, увидел нелепую оранжевую шапочку у нее на голове и ухмыльнулся.

Водитель тронулся с места, и они поехали дальше. Кертис принялась листать какие-то бумаги, а Бакстер с Рушем стали смотреть на мелькавшие за окном здания, превратившиеся под урчание двигателя в одно размытое пятно.

– Боже мой, как же я ненавижу этот город, – произнес он, когда они проехали реку и перед ними открылся впечатляющий вид: пробки, шум, мусор, толпы, переполняющие слишком узкие транспортные артерии, так что недалеко до глобального сердечного приступа, и граф-

фити на любой поверхности, доступной, по неудачному стечению обстоятельств, для вытянутой руки.

Кертис с извиняющимся видом улынулась Бакстер.

– Он напоминает мне школьные годы, – продолжал Руш, – знаете, вечеринка в доме богатого одноклассника, когда родители уехали, и в их отсутствие все архитектурно-художественное великолепие растаптывается, уродуется и попросту игнорируется только для того, чтобы собрать под одной крышей серую массу, в принципе не способную его оценить.

Пока минивэн медленно двигался к перекрестку, они сидели в напряженной тишине.

– А мне нравится, – восторженно заявила Кертис, – здесь куда ни глянь, повсюду история.

– Если честно, то точка зрения Руша мне намного ближе, – откликнулась Бакстер, – как вы сами только что сказали, здесь действительно повсюду история. Но если *вы* видите Трафальгарскую площадь; то *я* – расположенный напротив переулков, где мы выудили из мусорного контейнера тело проститутки. Вы – здание парламента, я – катер, за которым мы должны были гоняться по реке и из-за которого я не попала... в общем не попала туда, куда должна была попасть. Все так, но это все равно не мешает Лондону оставаться моим домом.

Впервые за все время специальный агент оторвался от окна и окинул Бакстер долгим, изучающим взглядом.

– Руш, скажите, вы давно уехали отсюда? – спросила Кертис, которой, в отличие от остальных, не показалось таким уж комфортным молчаливое спокойствие, царившее в минивэне.

– В 2005 году, – ответил он.

– Наверное, тяжело оказаться в такой дали от семьи.

Дамьен явно не был настроен об этом говорить, но все же с неохотой ответил:

– Да, тяжело. Но я каждый день слышу их голоса, так что они для меня всегда как будто рядом.

Бакстер поерзала на сиденье, несколько смутившись откровенности специального агента. Кертис только ухудшила ситуацию своим неуместным и неискренним умилением:

– Ой, до чего трогательно!

На парковке для посетителей тюрьмы Белмарш они вышли из машины и направились к главному входу.

Агентов попросили сдать личное оружие, сняли у них отпечатки пальцев, провели через тамбур с металлодетектором, просветили рентгеном, обыскали вручную, после чего попросили подождать начальника тюрьмы.

Когда Кертис, извинившись, сказала, что ей нужно отойти, Руш стал напряженно оглядываться по сторонам. Через несколько мгновений до Бакстер вдруг дошло, что он мурлычет под нос песню «Холлабэк Герл» Гвен Стефани.

– Вы в порядке? – спросила она.

– Извините.

Бакстер окинула его долгим, подозрительным взглядом.

– Я всегда пою, когда нервничаю, – объяснил он.

– Нервничаете?

– Не люблю замкнутых пространств.

– А кто же их любит? – ответила Бакстер. – Это все равно что сказать, что не любишь, когда тебе тычут в глаз. Это довольно-таки очевидно – кому понравится оказаться взаперти?

– Спасибо за участие, – улынулся он, – но если уж мы заговорили о нервах, то как себя сейчас чувствуете *вы*?

Эмили удивило, что от внимания специального агента не ускользнула охватившая ее тревога.

– В конце концов, Масс *сделал ставку* на то, чтобы...

– Меня убить? – пришла ему на помощь Бакстер. – Да, я помню. Нет, дело не в этом. Просто я надеюсь, что здесь больше не работает начальник тюрьмы Дэвис, который меня здорово недолюбливает.

– Вас? – переспросил Руш, безуспешно пытаясь изобразить на лице изумление.

– Да, меня, – немного обиженно ответила Эмили.

Это, конечно же, была ложь. Бакстер действительно волновалась в преддверии встречи с Массом, но она боялась не его самого, а того, что он мог знать и мог рассказать.

Только четыре человека были в деталях осведомлены о том, что произошло в зале судебных заседаний Олд Бейли. Она думала, что Масс бросится опровергать наспех состряпанную ею версию событий, но он ни разу не попытался подвергнуть сомнению ее показания. С течением времени Эмили позволила себе лелеять надежду на то, что во время схватки с Волком он потерял сознание и теперь ни ничего не помнит о ее постыдной тайне. Она изо дня в день задавалась вопросом, настигнет ли ее прошлое, и теперь чувствовала себя так, будто бросала вызов судьбе, собираясь сесть и заговорить с единственным человеком, способным в мгновение ока ее погубить.

В этот момент из-за угла показался начальник тюрьмы Дэвис. Узнав Бакстер, он тут же спал с лица.

– Схожу за Кертис, – прошептала она Рушу.

Подойдя к двери туалета, детектив услышала доносившийся изнутри голос Кертис и замерла на пороге. Ей это показалось странным, ведь мобильные телефоны они сдали охранникам. Она прильнула к тяжелой двери и услышала, что молодая американка разговаривает сама с собой:

– Больше никаких *глупых* комментариев. Сначала *думай*, потом говори. В присутствии Массы подобных ошибок допускать нельзя. «Чтобы быть уверенным в себе, нужно внушать уверенность другим».

Бакстер громко постучала и распахнула дверь, заставив Кертис подпрыгнуть на месте.

– Начальник тюрьмы готов нас принять, – объявила она.

– Я буду через минуту.

Бакстер кивнула и пошла обратно к Рушу.

Дэвис решил лично препроводить их в крыло усиленного режима, где были обеспечены самые строгие меры безопасности.

– Надеюсь, вам известно, что Летаниэл Масс, перед тем как его задержала присутствующая здесь детектив Бакстер, получил серьезные травмы, которые дают о себе знать и сейчас, – сказал он, пытаясь быть любезным.

– С вашего позволения, теперь не просто детектив, а старший инспектор, – поправила его Эмили, сводя на нет все его старания.

– Чтобы привести в порядок челюсть, ему сделали несколько операций, но полную функциональность так до конца и не восстановили.

– Он сможет ответить на наши вопросы? – спросила Кертис.

– Нет, связного разговора у вас с ним не получится, поэтому я пригласил присутствовать на допросе... переводчика.

– И на чем же он специализируется? – спросила Бакстер, не в состоянии удержаться от колкости. – На невнятном бормотании?

– На языке жестов, который Масс изучил в первые несколько недель своего пребывания здесь, – сказал начальник.

Они подошли к еще одной бронированной двери, за которой, когда Дэвис произнес пароль, оказалась зона отдыха, пугающе пустая.

– А как ведет себя Масс в роли заключенного? – спросила Кертис тоном, в котором чувствовался неподдельный интерес.

– Образцово. Если бы они все себя так вели... Розенталь! – крикнул он молодому человеку в дальнем конце поля для игры в мини-футбол, который побежал к ним, скользя на льду. – В чем дело?

– В третьем блоке опять драка, сэр, – запыхавшись, ответил парень.

Шнурок на его ботинке развязался и теперь волочился по полу.

Начальник тюрьмы вздохнул.

– Боюсь, вам придется меня извинить, – сказал им Дэвис, – на этой неделе к нам поступила новая партия заключенных, а когда они меряются со стариками силами и устанавливают свой порядок, всегда поначалу возникают проблемы. К Массу вас проводит Розенталь.

– К Массу, сэр? – Полученный приказ явно не вызвал энтузиазма у надзирателя. – Да, конечно.

Начальник тюрьмы поспешно удалился, а новый конвоир повел их в тюрьму в тюрьме, окруженную собственными стенами и ограждениями. Подойдя к воротам первого периметра безопасности, Розенталь стал яростно шарить по карманам, как будто что-то потерял, и хотел уже развернуться, но Руш похлопал его по плечу и протянул пластиковую карту.

– Вы уронили ее вон там, – дружелюбно сказал он.

– Спасибо. Босс бы меня убил в прямом смысле слова, если бы я ее *опять* потерял...

– Если бы его не опередил один из сбежавших массовых убийц, которых вы должны охранять, – заметила Бакстер, так что молодой человек тут же сделался пунцовым от смущения.

– Простите, – сказал он и открыл зажужжавшую дверь только для того, чтобы подвергнуть их череде новых проверок и обысков.

Он объяснил, что крыло усиленного режима разбито на несколько «отростков» по двенадцать одиночных камер каждый. Надзирателям разрешалось работать здесь не больше трех лет, после чего их переводили на обычный режим.

Внутри их встретили бежевые стены и двери, терракотового цвета полы и лабиринт ржаво-красных ограждений, ворот и лестниц. Над их головами в проходах были растянуты сетки, провисшие в центре от мусора.

Поскольку все заключенные сидели по своим камерам, в здании царил неестественная тишина. Розенталь передал гостей другому надзирателю, и тот проводил их в комнату на первом этаже, где их ждала неряшливо одетая женщина средних лет. Ее представили как специалиста по языку жестов, после чего охранник зачитал им всем известные правила и, наконец, открыл замок.

– Помните, если вам что-то понадобится, я буду за дверью, – дважды подчеркнул он, толкнул тяжеленную створку, и они увидели внушительную фигуру человека, сидевшего к ним спиной.

Бакстер нутром почувствовала, как нервничают охранники в присутствии их самого прославленного заключенного. От металлического стола к наручникам Массы тянулась длинная цепь, дальше она спускалась вниз по синему комбинезону и соединялась с кандалами, приковывавшими его к бетонному полу.

Когда они вошли в камеру, он даже не повернулся, оставляя их любоваться глубокими шрамами на его затылке, лишь дернул головой и втянул воздух, вдыхая их запах.

Женщины нервно переглянулись, в то время как Руш сел, самоотверженно выбрав место как можно ближе к подозреваемому.

Несмотря на цепи, не позволяющие покинуть камеру, не он, а Бакстер почувствовала себя в ловушке, когда за ними закрылась тяжелая дверь и она села напротив человека, который хоть и был лишен свободы, но по-прежнему представлял для нее угрозу.

Когда Масс увидел, как она оглядывает камеру, старательно избегая встречаться с ним взглядом, на его обезображенном лице проступила косая ухмылка.

Глава 5

*Среда, 9 декабря 2015 года,
11 часов 22 минуты утра*

– Я же говорила вам, что это пустая трата времени, – вздохнула Бакстер, когда они вышли во внутренний дворик крыла усиленного режима.

Во время получасового монолога Кертис Масс не предпринял ни малейшей попытки ответить хотя бы на один ее вопрос. У Эмили было такое ощущение, что она была в зоопарке и смотрела на какое-то животное в клетке – от злодея осталось одно лишь имя, поработанная, сломленная тень чудовища-садиста, до сих пор заставлявшего ее вскакивать по ночам, питавшаяся жалкими остатками печальной репутации, которой он больше не соответствовал.

Волк уничтожил его раз и навсегда – тело и душу.

Она не могла сказать наверняка, почему он то и дело поглядывал на нее, – то ли знал, что она совершила, то ли просто понимал, что перед ним женщина, прославившаяся после его ареста. Так или иначе, она была рада, что все уже позади.

Розенталь поджидал их в «пузыре», зоне безопасности для персонала в дальнем конце блока. Теперь он уже шел им навстречу.

– Нам надо будет тщательно обыскать камеру Массы, – сказала Кертис.

На лице надзирателя, совсем еще неопытного, отразилось замешательство.

– Я... э-э-э... а начальник тюрьмы в курсе?

– Вы шутите? – в отчаянии спросила Бакстер.

– Я хочу выразить согласие с Бакстер в этом вопросе, – сказал Руш, – хотя и в более вежливых выражениях. Масс не имеет к нашему делу никакого отношения. Мы могли бы направить усилия на что-нибудь более полезное.

– Исходя из того, что мы только что увидели, я разделяю ваше мнение, – дипломатично начала Кертис, – но мы обязаны следовать строгому протоколу, и я не уеду отсюда до тех пор, пока мы не исключим малейшую возможность того, что Масс причастен к новым убийствам.

Потом повернулась к Розенталю и сказала:

– В камеру Массы... пожалуйста.

Доминик Баррелл, которого другие заключенные и надзиратели больше знали как Хвастуна, оказался в тюрьме после того, как избил до смерти совершенно незнакомого человека только за то, что тот на него «странно» посмотрел. Большую часть своего срока он отсидел в первом блоке, однако недавно, совершив два нападения на надзирателей, ничем не спровоцированных с их стороны, был переведен на строгий режим. С учетом его репутации и увлечения бодибилдингом, превратившегося в навязчивую страсть, его по возможности старались избегать, несмотря на невзрачную фигуру и 167 сантиметров роста.

Сидя на своих нарах, он увидел, что в пустую камеру Массы, располагавшуюся аккурат напротив его собственной, в сопровождении охраны вошли три человека. Когда они начали обыскивать помещение два на три метра, он совершенно утратил к ним интерес и продолжил разрезать свой матрац на длинные полоски ткани при помощи острой как бритва пластмасски, отломанной от какой-то упаковки.

Услышав, что надзиратели открыли дверь первой камеры, чтобы построить заключенных на ланч, он перевернул матрац и намотал длинную отпоротую полоску ткани на талию, спрятав ее под одеждой. Выйдя на галерею, Хвастун увидел, что от стоявшего впереди Массы его отделял только один человек. Когда надзиратель отправился дальше, он оттолкнул стоявшего

между ними заключенного, и тот, вероятно, зная о репутации Баррелла, безропотно отошел в сторону.

Потом встал на цыпочки и прошептал знаменитому убийце на ухо:

– Летаниэл Масс?

Тот кивнул, но продолжал смотреть перед собой, чтобы никто не обратил на их разговор внимания.

– Мне нужно передать тебе привет.

– К-к-кой прив-вет? – с трудом вымолвил Масс.

Глянув вперед, чтобы проверить, где сейчас надзиратель, Баррелл положил Массу на плечо тяжелую руку и притянул его к себе так близко, что даже коснулся губами тоненьких волосков у того на ухе.

– Ты...

Масс повернул к нему голову, и в этот момент Хвастун обхватил его могучей рукой за шею и потащил в одну из пустых камер. Согласно неписанным тюремным правилам, заключенные, шагавшие впереди и позади него, сомкнули строй, не вмешиваясь в происходящее и не предпринимая попыток предупредить охрану.

Сквозь открытую дверь Масс поймал взгляд одного из заключенных, который просто стоял и бесстрастно смотрел, как того душат. Масс попытался крикнуть, но его искалеченная челюсть издала лишь какое-то бульканье, неспособное привлечь внимание тех, кто мог бы помочь.

Здоровяк разорвал на Массе верх комбинезона, Масс было подумал, что его хотят изнасиловать, но в этот момент почувствовал жало вонзающегося в грудь клинка и понял, что сейчас умрет.

До этого Масс только раз в жизни сталкивался с этим незнакомым чувством страха, к которому сейчас примешалось извращенное удовольствие – он наконец испытал то, что испытывали в последние мгновения жизни его бесчисленные жертвы, совершенно беспомощные в руках убийцы.

Кертис, Бакстер и Рушу дали понять, что они должны закончить бесплодный обыск камеры Массы до того, как заключенных поведут обедать. Когда двери второго этажа открылись, Розенталь проводил их на первый уровень, и они зашагали по дворику. Но не успели они дойти до красных железных ворот, как тишину над их головами рассек первый свист.

Трое надзирателей бросились вперед, пытаясь пробиться куда-то через вставших стеной заключенных, но сказать точно, что происходит, было нельзя. Опять кто-то свистнул, послышались панические призывы о помощи, а когда к всеобщему гаму присоединились и обитатели камер первого этажа, по пустому железному зданию нарастающим оглушительным эхом полетели возбужденные вопли.

– Надо вывести вас отсюда, – сказал Розенталь, вкладывая в свои слова всю храбрость, на какую только был способен.

Потом повернулся и вставил пластиковую карточку в щель электронного замка на стене. В ответ мигнул красный сигнал. Он повторил попытку.

– Черт!

– Похоже, у нас проблемы? – спросила Бакстер, следя одним глазом за тем, что происходит наверху.

– Система заблокировала все входы и выходы, – объяснил надзиратель, явно начиная паниковать.

– Отлично. И что полагается делать в подобной ситуации? – спокойно спросил Руш.

– Я н-н-не... – стал заикаться охранник.

Свист наверху приобрел какой-то отчаянный характер, вопли стали еще громче.

– Может, укрыться в «пузыре»? – предположила Бакстер.

Розенталь посмотрел на нее широко открытыми глазами и кивнул.

Гам перерос в крещендо, наверху подняли какого-то человека и швырнули его через ограждение галереи в пустоту. Обнаженное по пояс тело прорвало сетку у стены и рухнуло лицом вниз буквально в нескольких метрах от детектива и агентов.

Кертис вскрикнула, чем привлекла внимание заключенных наверху.

– Бежим! Быстрее! – сказала Бакстер, но застыла на месте, когда труп вдруг как-то неестественно дернулся в их сторону.

Ей понадобилось несколько секунд, чтобы понять, что веревка из связанных кусков ткани, свисающая с разодранной сети под потолком, обмотана вокруг окровавленной шеи жертвы. В этот момент самодельная бечевка туго натянулась, тело подпрыгнуло, а рядом с ним упало второе, более мускулистое.

– Он еще жив! – в ужасе воскликнул Розенталь, когда вторая жертва, выступавшая в роли противовеса, отчаянно заметалась, но совсем скоро затихла, задушенная трухлявой петлей.

– Вперед! Бегом! – скомандовала Бакстер, подталкивая Кертис и Розенталь за Рушем, который уже подбегал к двери «пузыря».

– Откройте! – завопил он.

Бунт набирал обороты, свист затих. Где-то наверху раздался жуткий крик, и во внутренний дворик полетел горящий матрас. Хаос подогревал возбуждение заключенных, действуя, как вкус свежей крови на акул.

Когда четверка подбежала к бронированной двери в «пузырь», первый арестант спустился вниз, цепляясь за порванную сетку.

– Откройте! – опять заорал Руш, бешено колотя по железной створке.

– Где ваша карточка? – спросила Бакстер Розенталь.

– Ничего не получится. Дверь надо открыть изнутри, – ответил тот, с трудом переводя дух.

Опасный спуск на их уровень совершили еще несколько заключенных, в то время как первый бросился великодушно открывать наугад камеры на первом этаже окровавленной магнитной картой.

Руш бросился к передней стене «пузыря» и увидел укрывшегося там надзирателя.

– Мы полицейские! – крикнул он через пуленепробиваемое стекло. – Открой дверь!

На смерть перепуганный охранник покачал головой, сказал одними губами: «Я не могу, простите!» – и в отчаянии махнул на приближавшуюся группу самых опасных во всей стране злодеев.

– Открой, черт возьми, дверь! – закричал Руш.

Рядом с ним у окна выросла Бакстер.

– И что теперь? – как можно спокойнее спросила она.

Бежать было некуда.

Сверху прыгнул здоровенный арестант, облаченный в абсурдно маленькую для него форму тюремного надзирателя. Брюки не доходили даже до щиколоток, из-под рубашки выпирал живот. Картина могла бы показаться комичной, если бы не глубокие свежие царапины, тянувшиеся через все его лицо.

Кертис молотила в дверь, отчаянно умоляя о помощи.

– Он не откроет, – сказал Розенталь, сползая на пол, – он боится, что они тоже войдут.

Бунтовщики двинулись на них, с ненавистью поглядывая на Руша с Розенталем и с жадным вождением – на женщин. Руш схватил Бакстер за руку и толкнул в угол за своей спиной.

– Эй! – закричала она, пытаясь его оттолкнуть.

– Не дергайтесь, мы сами разберемся! – крикнул он им с Кертис.

Розенталь от этого «мы» явно пришел в замешательство, из которого его тут же вырвал Руш, рывком поставив на ноги.

– Целься в глаза, – заорал он окаменевшему молодому человеку за несколько секунд до того, как их накрыла волна бунтовщиков.

Бакстер неистово отбивалась. Повсюду мелькали руки и лица. Чья-то могучая рука схватила ее за волосы и протащила пару футов за собой, но тут же отпустила, когда на ее обладателя набросился другой арестант, тоже желавший заполучить женщину. Эмили с трудом протиснулась к стене и стала выискивать Кертис, но вновь столкнулась все с той же рукой. Вдруг откуда ни возьмись вынырнул Розенталь, прыгнул бунтовщику на спину и глубоко вонзил пальцы в татуированный глаз арестанта.

Внезапно погас свет.

Остались лишь неясные отблески потрескивающего во внутреннем дворике пламени – последние следы «охоты на ведьм». Над догорающим матрасом висели два силуэта.

Послышался громкий хлопок. Все пространство дворика заволочло дымом. Потом громыхнул еще один.

В железные ворота на противоположном конце дворика влетел отряд бойцов спецназа в полном боевом снаряжении и противогазах. Закрывая лица руками, бунтовщики бросились враспынную, будто гиены, на которых объявили отстрел.

Бакстер увидела Кертис, лежащую без сознания в нескольких метрах от нее, подползла к ней и запахнула на ней разодранную юбку. На голове агента ФБР красовалась приличных размеров шишка, но других повреждений не наблюдалось.

Бакстер почувствовала жжение во рту и в носу – до этой части дворика тоже добрался слезоточивый газ. Сквозь затянувшую глаза пелену Эмили увидела, как призрачные силуэты вокруг огня превратились в одно сплошное размытое пятно, и вдохнула обжигающую боль, означавшую, что она еще жива.

После сорокаминутной промывки глаз в медицинском блоке Бакстер наконец разрешили присоединиться к Рушу и начальнику тюрьмы Дэвису. Руш, придя в себя быстрее других, уже ввел ее в курс последних событий, пока она, чертыхаясь, проходила процедуры.

Как оказалось, во время бунта погибли два человека. Первым был заключенный по имени Доминик Баррелл, вторым – что тревожило гораздо больше – Масс. Записи камер видеонаблюдения подтвердили, что Баррелл сначала убил Массу, а потом покончил с собой.

Кертис очнулась, но все еще не могла оправиться после пережитого. Розенталью сломали ключицу, но держался он бодро.

Теперь, когда к Бакстер вернулось зрение, она начала подозревать, что Руш пострадал сильнее, чем хотел показать. Он хромал, как будто нарочно старался не дышать глубоко, а когда думал, что его никто не видит, хватался за грудь и кривился от боли.

Начальник тюрьмы заверил, что, когда заключенных развели по камерам, на месте преступления никто ничего не трогал. Затем как можно вежливее объяснил, что, поскольку девать заключенных больше некуда, крыло усиленного режима функционирует как обычно, просто с двумя трупами, болтающимися на перекинутой через балку веревке. Поэтому чем быстрее они проведут все необходимые мероприятия, тем будет лучше.

– Я готова, а вы? – произнесла Бакстер; с воспалившимися и налившимися кровью глазами она выглядела слегка безумно, – Кертис будем ждать?

– Она просила начинать без нее.

Бакстер несколько удивилась, что агент ФБР добровольно отказывается осмотреть место совершившегося прямо на ее глазах преступления, но развивать эту тему не стала.

– Тогда вперед.

Бакстер и Руш подняли глаза на два тела, болтающихся в шести футах над их головами. Она заметила, что агент ЦРУ опять схватился за грудь. Им удалось убедить возглавившего расследование детектива и его команду дать им пять минут наедине с местом преступления.

Защищенные многочисленными бронированными дверями, без единого дуновения ветерка за отсутствием открывающихся окон, тела висели пугающе неподвижно на противоположных концах самодельного каната, перекинутого через перила второго этажа.

Бакстер была слишком взбудоражена этой зловещей картиной, чтобы почувствовать, как с ее души упал камень: знал что-то Масс или нет, теперь это не имело никакого значения.

Ей больше ничего не угрожало.

– Что же это получается, мы с вами заверили Кертис, что совершенное в Америке преступление не имеет ко мне никакого отношения, а оказалось, что еще как имеет! – беспечно бросила Бакстер.

Затем оглядела неряшливо начертанные буквы на груди Массы, совершенно почерневшие от запекшейся крови, и прочла вслух:

– «Наживка». Так же, как и на первом трупе.

Она отошла в сторону, подняла глаза на мускулистое тело Доминика Баррелла, тоже до пояса обнаженное, и увидела, что у него на груди тоже вырезана надпись.

– «Кукла», – прочла Эмили. – Такого еще не было?

Руш лишь неопределенно пожал плечами.

– *Не было?* – спросила Бакстер.

– Думаю, нам надо поговорить с Кертис.

Вернувшись в медицинский блок, Бакстер и Руш обнаружили, что Кертис чувствует себя значительно лучше. По сути, она уже всю допрашивала какого-то красавца под сорок в гражданской одежде и со слегка не по возрасту длинными прямыми волосами.

Не желая вмешиваться в их разговор, Руш пошел сделать еще кофе. Бакстер без колебаний вошла в комнату.

– Все в порядке? – спросила она Кертис, которая, похоже, была не очень довольна, что ее перебили на середине фразы.

– Да, спасибо, – ответила Кертис, пытаясь как можно вежливее отделаться от Бакстер.

Вопросительно махнув рукой на привлекательного молодого человека, Бакстер вдруг осознала, что стоит перед двумя топ-моделями, – и это еще она не могла его толком разглядеть с расстояния трех метров.

– Это... – с явной неохотой начала Кертис.

– Алексей Грин, – улыбнулся мужчина, встал и твердо пожал ей руку, – а вы, надо полагать, прославленный детектив Эмили Бакстер. Весьма польщен.

– Взаимно, – ответила Бакстер невпопад.

Она не могла оторвать взгляд от его идиотских скул.

Детектив покраснела, быстро извинилась и пошла за Рушем.

Пять минут спустя Кертис все еще была поглощена вопросом. Точнее, если Бакстер, конечно, не ошибалась, эта чопорная женщина, специальный агент ЦРУ, банально флиртвала.

– А знаете что? – обратился к Эмили Руш. – Пошло оно все к черту. Нам надо ввести вас в курс дела. Пойдемте поговорим.

Они вышли на улицу в морозный, но солнечный день. Бакстер опять надела на голову шапочку с помпоном.

– С чего бы начать? – без особой уверенности в голосе сказал он. – Банкир Вильям Коукс, которого повесили на Бруклинском мосту...

– Если вы не против, давайте с этого момента называть его просто Банкиром, – попросила Бакстер.

– Конечно-конечно... Мы полагаем, что одна его рука болталась свободно только потому, что убийце помешали довести дело до конца. В пользу этого говорят и показания свидетелей, видевших, как с моста в Ист-ривер что-то упало.

– А можно ли выжить после такого падения? – спросила Бакстер, натягивая шапочку ниже в попытке получше закрыть замерзшее лицо.

– Нет, – решительно ответил Руш, – во-первых, высота моста примерно сорок метров. Во-вторых, в ту ночь в Нью-Йорке было минус девять и река покрылась толстым слоем льда. В-третьих, что еще важнее, на следующее утро труп выбросило на берег. Ни за что не догадаетесь, что было написано у него на груди...

– «Кукла»! – хором воскликнули они.

– Таким образом, – обобщила Эмили, – у нас есть две жертвы с одинаковыми надписями на груди и двое мертвых убийц, тоже с одинаковыми надписями, причем оба преступления совершены на противоположных концах Атлантики, так?

– Нет, – возразил Руш, засовывая подмышки озябшие руки, – вы забываете о случае, упомянутом вчера Кертис, том самом, который мы пока держим в тайне и в расследовании которого просим помочь вас.

– То есть у нас есть еще третий комплект.

– Тоже убийство плюс самоубийство, как и сегодня, – добавил Руш.

Бакстер его слова, казалось, удивили.

– Какие-нибудь версии есть? – спросила она.

– Только смутное ощущение, что, пока мы будем разбираться, ситуация станет *гораздо* хуже. Как ни крути, но мы, согласитесь, охотимся на призраков.

Руш вылил на землю остатки безвкусного кофе, который зашипел и покрылся паром, будто кислота. Потом закрыл глаза, подставил солнцу лицо и задумчиво произнес:

– Как ловить убийцу, который уже мертв?

Глава 6

*Среда, 9 декабря 2015 года,
7 часов 34 минуты вечера*

Бакстер одним подбородком открыла дверь дома Томаса и ввалилась в коридор, в одной руке сжимая корзину для переноски кошек, в другой – пакет из супермаркета.

– Это я! – крикнула она, но ответа не дождалась.

Поскольку на первом этаже горел свет, Эмили поняла, что Томас дома. Оставляя грязные следы, она пошлепала на кухню, где что-то тихо бормотал телевизор, поставила кота и пакет на стол и налила себе большой бокал красного вина.

Потом рухнула на стул, сняла сапоги и стала растирать натруженные ноги, бездумно глядя на утопавший во мраке сад. В доме царил благословенная тишина, если не считать едва слышного уютного гула радиаторов отопления да приглушенных струй воды, бивших в пол душевой кабинки на втором этаже.

Эмили вытащила из пакета с покупками огромные упаковки снеков и молочного шоколада, но в этот момент ее внимание привлекло собственное отражение в темном окне. Осознав, что сейчас ей придется впервые лицезреть себя с момента происшествия в тюрьме, она подсчитала многочисленные царапины на шее и лице и решила, что всерьез назвать повреждением можно только одну – сочащуюся сукровицей ссадину на лбу. Она вспомнила руки, схватившие ее и потащившие по полу, вспомнила беспомощность, охватившую ее, когда она лупила по сменявшимся друг друга злобным рокам, и по ее телу прокатилась волна противной дрожи.

Перед тем как выйти из своей квартиры, Бакстер дважды приняла душ, но так и не смогла избавиться от ощущения грязи. Она устало потерла лицо, провела руками по влажным волосам и опять наполнила до краев бокал.

Десять минут спустя на кухню в домашнем халате вошел Томас.

– Привет, не думал, что ты при... – начал он, но в этот момент увидел украшавшие ее лицо порезы, осекся, подбежал и сел рядом. – Боже праведный! С тобой все в порядке?

Затем взял ее твердую, шершавую руку в свои ладони и нежно сжал. Бакстер выдавила из себя благодарную улыбку, отняла руку и подняла бокал как предлог, чтобы к ней не прикасались.

– Что случилось? – спросил он.

Вообще-то Томас был очень деликатным человеком, но в своей заботе о Бакстер он переходил все границы, стремясь опекать ее даже там, где не надо. В последний раз, когда она вернулась домой с разбитой губой, он использовал все свое влияние в адвокатской среде, чтобы пребывание ее обидчика в тюрьме стало максимально несносным, и не успокоился до тех пор, пока тот не получил за совершенное им преступление максимальный срок.

На секунду Эмили задумалась, не рассказать ли ему все.

– Ничего, – она слегка улыбнулась, – в офисе подрались двое сотрудников, я бросилась их разнимать. Наверное, не стоило вмешиваться.

Бакстер увидела, что Томас немного расслабился, ему было приятно знать, что никто не собирался умышленно причинить ей вреда.

Отчаянно желая узнать подробности, но видя, что Эмили не настроена развивать эту тему, он взял горсть чипсов.

– Закуска, основное блюдо или десерт? – спросил он, показывая на пакет с покупками.

Она коснулась откупоренной бутылки вина и ответила:

– Закуска.

Потом указала на огромный пакет попкорна и сказала:

– Основное блюдо.

После чего потрясла пакетом шоколадного печенья и добавила:

– Десерт.

Томас тепло ей улыбнулся и вскочил на ноги.

– Давай я тебе что-нибудь приготовлю.

– Не надо, мне и так хорошо. Я не особенно хочу есть.

– Всего лишь омлет, это пять минут, – ответил он и встал за разделочный стол, чтобы быстренько соорудить ужин. Он бросил взгляд на корзину для переноски кошек и спросил: – Что там?

– Кот, – автоматически ответила Бакстер в надежде, что так оно и есть: с момента появления в этом доме Эхо вел себя непривычно тихо.

Бакстер вдруг пришло в голову, что вообще-то сначала надо было спросить, готов ли он присматривать за ее питомцем, пока она будет в отъезде, и только потом с ним сюда заявляться. Тут она вспомнила, что еще ни словом не обмолвилась ему о своей командировке.

Больше всего ей не хотелось вступить ни в какие споры.

– Я всегда рад видеть Эхо, – начал Томас; его тон был уже не таким милым, – но как это он решился в такой холодный вечер проделать путешествие через весь город?

Бакстер решила поскорее с этим покончить:

– Меня на неопределенный срок откомандировывают работать вместе с ФБР и ЦРУ над одним громким убийством. Утром я улетаю в Нью-Йорк и понятия не имею, когда вернусь обратно.

Бакстер дала Томасу несколько секунд, чтобы он мог переварить услышанное.

Он вдруг стал подозрительно спокоен.

– Что-нибудь еще? – спросил он.

– А, точно. Я забыла для Эхо корм, поэтому тебе придется купить его самому. Да, и не забывай давать ему таблетки.

Она пошарила в сумке, вытащила две коробочки, взяла их в две руки, потрясла ту, что была в правой, и сказала:

– Эти в рот.

Показала другую:

– А эти в задницу.

Томас стиснул зубы и с грохотом поставил сковородку на железную конфорку. Масло выплеснулось за пределы антипригарного покрытия и зашипело.

– Мне надо позвонить, – сказала Бакстер и встала.

– Вообще-то я готовлю тебе ужин! – резко бросил Томас, швырнув на сковородку горсть тертого сыра.

– Не хочу я твой *долбаный* омлет, – рявкнула ему в ответ она и направилась на второй этаж поговорить с Эдмундсом так, чтобы ее никто не слышал.

На Эдмундса только что написали. Пока Тиа меняла подгузник, он надел чистую рубашку, сунул грязную в стиральную машину, и в этот момент у него зазвонил телефон.

– Бакстер? – ответил он, моя руки.

– Привет, – сказала она непринужденно, – есть минутка?

– Ну конечно.

– Э-э-э... у меня выдался интересный денек.

Бакстер стала рассказывать во всех подробностях о событиях в тюрьме, Эдмундс внимательно слушал. Потом она поделилась с ним некоторыми сведениями, которые сообщил ей Руш на улице.

– Ритуальное убийство? – здраво предположил Эдмундс, когда она закончила.

– Такое объяснение и в самом деле представляется самым правдоподобным, но у американцев есть куча подразделений, отслеживающих деятельность последователей всевозможных культов и религиозных сект. По их словам, эти убийства нельзя подогнать ни под одну из групп, которые находятся в зоне их внимания.

– Мне совсем не нравится эта тема с «Наживкой». Убить тезку Волка – это одно, но вот добраться до Масса – совсем другое. У меня складывается ощущение, что этот посыл адресован тебе, а если так, то ты теперь в игре. И ты ведешь себя в точности так, как они хотят.

– Согласна, это возможно, но что мне остается делать?

– Алекс! – позвала его из спальни Тиа.

– Сейчас приду! – крикнул Эдмундс.

Сосед Эдмундса громко застучал в стену.

– Она теперь и меня описала! – завопила Тиа.

– Да иду я, иду! – ответил Эдмундс.

Сосед опять заколотил в стену, отчего с полки упала семейная фотография.

– Извини, – сказал он Бакстер.

– Я могу позвонить тебе, когда еще что-нибудь узнаю? – спросила она.

– Разумеется. И будь осторожна.

– Не волнуйся – эта Кукла не застанет меня врасплох, я буду начеку круглые сутки, – заверила она его.

– Вообще-то, – серьезным тоном ответил Эдмундс, – нам больше надо опасаться того, кто дергает ее за ниточки.

Спустившись на первый этаж, Бакстер поняла, что ссоры с Томасом не избежать. На экране телевизора застыла Андреа с раскрытым на полуслове ртом, внизу экрана красовалась строка:

МАНЬЯК, ОСУЖДЕННЫЙ ПО ДЕЛУ «ТРЯПИЧНОЙ КУКЛЫ», МЕРТВ.

ВИЗИТ СТАРШЕГО ИНСПЕКТОРА

Как же она ненавидела эту женщину.

– Ты сегодня ездила в тюрьму к Летаниэлу Массу? – тихо спросил Томас из глубины комнаты.

Бакстер сердито фыркнула и вошла в гостиную. Томас сидел в кресле с недопитой бутылкой вина.

– Угу, – кивнула головой Бакстер с таким видом, будто это был совершеннейший пустяк.

– Ты мне не рассказала.

– Не знаю, что тут рассказывать, – пожала плечами она.

– Да, что тут рассказывать. Что тут рассказывать! – закричал Томас, вскакивая на ноги. –

И о бунте заключенных тоже нечего рассказывать?

– Я его не застала, – солгала она.

– Херня полная!

Бакстер была слегка ошарашена. Она никогда от него не слышала подобных ругательств.

– Ты заявляешься сюда вся в крови...

– Подумаешь, всего-то пара царапин.

– ...тебя могли убить разбуянившиеся арестанты, ты рисковала жизнью только для того, чтобы повидать самого опасного человека во всей стране!

– У меня нет времени на препирательства, – ответила она, надевая пальто.

– Ну конечно! – в отчаянии воскликнул Томас, выходя за ней на кухню. – О том, что завтра ты улетаешь в Нью-Йорк, ты *тоже* не сочла нужным мне сообщить.

Потом немного помолчал и, уже тише, добавил:

– Эмили, я не понимаю, почему ты думаешь, что мне нельзя доверять?

– Давай продолжим этот разговор после моего возвращения, – попросила она, подделываясь под его спокойный тон.

Томас долго на нее смотрел, а когда она натянула сапоги, лишь кивнул, признавая свое поражение.

– Присмотри за Эхо, – сказала Эмили.

Поднялась и вышла в коридор. Томас улыбнулся, увидев, что она надела его смешные шапочку и перчатки. Для него было непостижимо, что эта женщина с помпоном на голове, усиленно пытающаяся сдуть с глаз волосы, заслужила столь удивительную репутацию среди коллег – по крайней мере тех немногих, с которыми она соизволила его познакомиться.

Детектив подошла к двери.

– И чем, черт бы их всех побрал, ты можешь помочь в этом деле? – бросил он.

Они оба прекрасно понимали, что это был отнюдь не вопрос мимоходом: это была мольба все ему рассказать перед тем, как она уедет; возможность показать, что с этого момента все будет по-другому; вопрос о возможности совместного будущего, наконец.

Эмили чмокнула его в щеку.

За ее спиной щелкнул дверной замок.

Руша разбудили звуки песни «Эйр Хостесс» в исполнении группы «Бастед», лившиеся из динамика его телефона. Он быстро взял трубку, чтобы не слышать противный рингтон, и хриплым шепотом ответил:

– Руш.

– Руш, это Кергис.

– Все нормально? – встревоженно спросил он.

– Да-да, все хорошо. Я ваших домочадцев не потревожу?

– Нет, – зевнул он, спускаясь по лестнице на кухню, – не волнуйтесь, их и из пушки не разбудишь. Что случилось?

– Просто я забыла, когда за вами утром надо заехать, в семь или в половине седьмого.

– В семь, – бодро ответил Руш и посмотрел на часы.

Стрелки показывали 2 часа 52 минуты ночи.

– Понятно, – невнятно ответила она, – а мне почему-то казалось, что в половине.

Руш подозревал, что для звонка в столь странное для светской болтовни время на самом деле была другая причина. Когда агент ФБР замолчала, Руш уселся как можно удобнее на холодном полу и сказал:

– Кошмарный день. Было здорово вернуться домой и поговорить с близкими о случившемся.

Он умолк, дав повиснуть тишине, чтобы коллега ухватила намек, будь у нее такое желание.

– Э-э-э... честно говоря... я совсем одна... – наконец, призналась агент.

Женщина говорила так тихо, что он с трудом разбирал ее слова.

– Да, ваш дом далековато, – ответил он.

– Дело не в этом... в Штатах у меня тоже никого нет.

Руш ждал продолжения.

– Это все работа, которая у нас в приоритете над всем остальным. Чтобы поддерживать с кем-то отношения, требуется время, а у меня его нет. Я перестала общаться практически со всеми друзьями.

– А что по этому поводу говорят ваши родственники? – спросил он, надеясь, что не наступит этим вопросом на большую мозоль.

Кертис тяжело вздохнула. Руш вздрогнул.

– Что у меня правильные представления о трудовой этике. Просто я выбрала не ту профессию.

Руш подтянул к подбородку колени, чтобы немного согреться, и ударился о сломанную дверцу буфета, которая отлетела и сшибла на пыльный пол стопку керамических плиток.

– Черт.

– Что такое? – спросила Кертис.

– Прошу прощения, мы устроили на кухне ремонт, поэтому здесь небольшой беспорядок, – сказал он ей, – расскажите мне о вашей семье.

Они говорили долго, до тех пор, пока едва слышный голос Кертис не сменился молчанием. Руш несколько мгновений прислушивался к ее тихому посапыванию и мерному дыханию – для окончания столь напряженного дня этот звук показался ему подозрительно мирным.

Наконец он дал отбой.

Руш слишком устал, чтобы совершать изматывающее восхождение вверх. Он прислонился головой к буфету, закрыл глаза и уснул среди строительного мусора и стен с ободранной штукатуркой.

Глава 7

*Четверг, 10 декабря 2015 года,
2 часа 16 минут дня*

14:16 12-10-2015 -5 °C / 23°F

Сидя в тепле на заднем сиденье машины ФБР, Бакстер смотрела на цифры, горевшие предупреждением на приборной доске. Потом опустила глаза на часы и вдруг вспомнила, что в самолете так их и не перевела – стрелки на них до сих пор показывали 7 часов 16 минут вечера. Напоминание о смене часовых поясов она, по всей видимости, пропустила. В самолете все семь с половиной часов полета они проспали – каждый из них наверстывал упущенное после бессонной ночи.

Из аэропорта на Манхэттен ехали мучительно медленно. Буксуя и скользя по плотной корке намерзшего за неделю льда, во многих местах превратившегося в грязную жижу, запрудившие улицы машины двигались с черепашьей скоростью.

В Нью-Йорке Бакстер была дважды, еще в юности. Тогда она галопом пробежалась по всем туристическим достопримечательностям, изумилась похожим на кинодекорации силуэтам небоскребов, высившимся на фоне неба в окружении воды, и испытала удивительное чувство от того, что оказалась в центре мира, на небольшом островке в две мили шириной, где люди со всех концов света пытались отвоевать себе место под солнцем. Сейчас ее лишь одолевала усталость, ей хотелось домой.

Рядом спокойно сидел Руш. Он попросил водителя ехать через Бруклинский мост. Когда они поравнялись со второй исполинской каменной опорой, агент указал на место, где было обнаружено повешенное тело Банкира.

– Ему связали щиколотки и запястья, а потом подвесили между вон теми двумя тросами по обе стороны дороги – лицом на копошащихся внизу людей. Как будто предостережением, вывешенным над воротами города, чтобы все понимали, какой ужас их ждет, если они пересекут эту черту.

Проезжая арку, машина на несколько секунд погрузилась в тень.

– Вы не могли бы придерживаться только бесспорных фактов? – попросила его с пассажирского сиденья Кертис. – А то от этих слов я чувствую себя неуютно.

– Мы знаем наверняка, что убийца так и не довел дело до конца. Прилаживая левую руку к тросу с внешней стороны, он потерял равновесие, полетел вниз, пробил лед и утонул, – объяснил Руш. – До чего досадно!

Легкомыслие, с которым агент ЦРУ рассказывал о смертельном падении преступника, низводя его до ранга совершенно заурядного события, удивило Эмили, и она, несмотря на свое мерзкое настроение, усмехнулась.

Руш, не в состоянии сдержаться, в ответ тоже ей улыбнулся и спросил:

– Что вы смеетесь?

– Да так, ничего, – ответила она и вновь уставилась в окно, когда машина въехала в скованный холодом город, – просто вы мне кое-кого напомнили, вот и все.

Чем дальше они углублялись в Мидтаун, тем хуже становилась дорога. А когда въехали в Вашингтон-Хайтс, увидели на обочинах огромные кучи снега, похожие на бортики дорожки для боулинга, – автомобили, норовившие съехать на обочину, благодаря им тут же возвращались на проезжую часть.

Бакстер раньше не бывала севернее Центрального парка. Здесь тоже с равными интервалами пересекались широкие улицы, но аккуратные здания скромно жались друг к другу, позволяя низко нависшему над горизонтом зимнему солнцу проливать свои лучи на улицы, а не толкаться среди небоскребов, напрочь перекрывавших кругозор. Эмили вспомнился игрушечных размеров город Нью-Йорк в Парке миниатюр, куда родители водили ее в детстве.

Когда водитель подкатил к парковке и тихонько ткнулся передним бампером в паркомат, не сумев вовремя затормозить на скользкой дороге, эта ностальгическая ассоциация померкла.

Над входом в 33-й полицейский участок красовался огромный белый навес. Под ним можно было увидеть седовласого офицера полиции, выполнявшего одновременно обязанности охранника и регулировщика. Выйдя из автомобиля, троица увидела, что он безрезультатно пытается убедить водителей, явно неспособных в таких условиях управлять своими автомобилями, отъехать от ограждения, выступавшего наружу на плавно изгибавшемся участке дороги, что для этого города с ровными, прямыми линиями было редкостью.

– Как я уже говорила во время нашей первой встречи, благодаря специфике места преступления нам удалось избежать огласки, – объяснила Кертис Бакстер, когда они подошли ко входу в участок.

Прямо под навесом, над двойной дверью, стену украшал синий значок Департамента полиции Нью-Йорка. В нескольких метрах справа от входа к стене припечатался зад внедорожника «Додж». За ним сломанным зубом возвышался на шесть дюймов над землей обрубок бетонного столба. Даже не приближаясь к машине, Бакстер увидела черные пятна засохшей крови, обильно испачкавшей кремовый салон.

Из двери вышли двое полицейских, прошествовали мимо картины разрушения прямо на их рабочем месте с таким видом, будто это был лишь выбранный без их ведома не самый удачный элемент декора, и выскользнули наружу.

– Давайте я сообщу вам, что нам известно, – сказала Кертис, опуская натянутую вокруг «Доджа» ярко-желтую ленту.

– Ничего, если я позвоню? – спросил Руш.

Этот вопрос ее немного удивил.

– Я и без того все знаю, – добавил агент.

Кертис махнула рукой, отпуская его, он вышел наружу, и женщины остались одни.

– Но перед тем как приступить, я хотела бы спросить: с вами все в порядке?

– В каком смысле? – осторожно спросила Бакстер.

– Я имею в виду после вчерашнего.

– Да нормально все, – пожалла плечами Бакстер с таким видом, будто не понимала, о чем это Кертис, и, желая больше не касаться личных вопросов, напомнила: – Так что там с этим внедорожником, который сейчас торчит из стены?

– Жертву звали Роберт Кеннеди, тридцать два года, женат. В полиции девять лет, из них последние четыре в должности детектива.

– А убийца?

– Эдуардо Медина. Мексиканский иммигрант. Работал на кухне в «Парк-Стэмфорд отель» в Верхнем Ист-Сайде. Предупреждая ваш вопрос, отвечу сразу – нет, мы не обнаружили никакой связи между ним и Кеннеди, другими убийцами или жертвами.

Бакстер открыла рот, чтобы задать вопрос.

– С делом Тряпичной куклы тоже... пока. – Кертис вздохнула и вошла на огороженную зону.

Вернувшись с улицы, Руш сунул телефон обратно в карман и подошел к Бакстер.

– У нас есть запись камер видеонаблюдения... – сказала агент.

– Из расположенной напротив школы, – перебил ее Руш, – простите, продолжайте.

– Да, у нас есть запись с камеры видеонаблюдения, на которой Медина паркует машину на 168-й Вест-стрит и выволакивает с заднего сиденья тело Кеннеди, не подающего признаков жизни. Хотя угол зрения камеры оставляет желать лучшего, мы можем с уверенностью сказать, что за эти пять минут он перетащил Кеннеди на капот, уложил его там, раскинул в стороны руки и ноги, а потом привязал к каждой из них веревку, в точности как на том трупе, который мы нашли на мосту, и накрыл простыней.

Бакстер посмотрела на разбитую машину. Над мостовой, на уровне заднего колеса, болталась толстая веревка.

– Медина разделся догола, причем слово «Кукла» уже было высечено у него на груди, сдернул с Кеннеди простыню и на полной скорости помчался по Джамел-плейс. Здесь надо сказать спасибо погоде, потому что он не вписался в поворот, – с этими словами Кертис показала траекторию движения «Доджа», – не справился с управлением и вместо того, чтобы въехать в главный вход, врезался в стену. И преступник, и жертва погибли на месте.

– Других пострадавших не было, – добавил Руш.

Вслед за Кертис они вошли внутрь, протиснулись мимо внедорожника и подошли к пролому в стене.

Нос машины вмялся в салон вровень с разбитым ветровым стеклом. Осколки и пыль разлетелись в разные стороны в радиусе десяти метров, но, если не считать этого аккуратного островка разрушения в углу, в остальном помещении никаких повреждений не получило. Бакстер опустила глаза и увидела на полу вычерченный малярным скотчем силуэт.

– Вы в своем уме? – недоверчиво прошептала она. – Я понимаю, что кому-то вполне могло прийти в голову испортить сцену преступления, но мы же не на съемках фильма «Голый пистолет».

Туловище и ноги трупа лежали на полу, но голова и поднятые руки покоились на смятой решетке радиатора.

– Не вините полицейских, – сказал Руш, – их к этому подтолкнули исключительные обстоятельства.

– Вряд ли нам стоит заикливаться на положении тела, – сказала Кертис, – к тому же вы должны понять, что Кеннеди был их коллегой, поэтому полицейские как можно быстрее вытащили его и приступили к реанимационным процедурам. А пока они им занимались, кто из новичков сотворил *это*.

– А вы уверены, что это не месть полиции со стороны Медины или его семьи? – с сомнением в голосе спросила Бакстер.

– Нет, насколько мы знаем, – ответила Кертис. – Я понимаю, эта мысль напрашивается, потому что он таким образом, очевидно, сделал все возможное, чтобы вызвать ярость всего Департамента полиции Нью-Йорка. Все знают, что стоит кому-нибудь убить копа, как на него, как тонна кирпичей, обрушиваются все правоохранительные органы. С чем бы мы ни столкнулись, – с сектой, с жаждущей славы группой в интернете или же с обществом последователей Тряпичной куклы, – выбрать в качестве жертвы копа было глупейшим решением. Чего бы они ни добивались, после этого их жизнь станет в десять раз хуже.

Бакстер вспомнила, что ей минувшей ночью сказал Эдмундс, и сказала:

– Кто-то дергает за ниточки, координирует все преступления и использует этих марионеток в своих целях. Нам известно, что жертвы выбираются не случайно, потому что два других убийства имеют непосредственное отношение к делу Тряпичной куклы. Теперь у нас есть три убийства. Мы не знаем ни кто они, ни где находятся, ни даже чего хотят. И дураками их *точно* не назовешь.

– Зачем же тогда объявлять войну полиции? – спросил Руш, которому явно понравилась речь Бакстер.

– И в самом деле – зачем?

Под навесом у входа зазвучали громкие голоса.

– Специальный агент Кертис? – позвал один из них.

Вслед за Кертис через пролом в стене выбрались на улицу Бакстер и Руш. Команда телевизионщиков расставляла свою аппаратуру, жадно поглядывая на место преступления. Кертис подошла к нескольким мужчинам в черных костюмах и завела с ними разговор.

– Ну что, готовы? – спросил Руш Бакстер, вытащил из кармана припрятанный на такой случай галстук и накинул на шею, – ну и как вам быть официальным лицом пропагандистской кампании?

– Замолчите. Они могут снимать меня, пока я делаю свою работу, но пойдут на хрен, если им вдруг...

– Руш? – воскликнул в этот момент дородный мужчина, отделившись от группы коллег, с которыми беседовала Кертис.

На нем была огромная дутая куртка, выставявшая далеко не в самом выгодном свете расплывшийся торс.

– Дамьен Руш? – сказал он, широко улыбнулся и протянул руку с толстыми, будто сосиски, пальцами.

Агент ЦРУ поспешно завязал галстук и быстро повернулся; он выглядел на удивление презентабельно.

– Джордж Макфарлен, – улыбнулся он, опустил глаза и неодобрительно окинул взглядом висевший на шее дородного коллеги бейджик ФБР, – что, дружище, переметнулся?

– И это говорит *британец*, работающий в ЦРУ! – улыбнулся собеседник. – Стало быть, в той тюрьме ты оказался в водовороте событий, да?

– Боюсь, что да. Но кто-то там наверху приглядывает за мной.

– Аминь, – кивнул Макфарлен.

Бакстер закатила глаза.

– Послушай, а как у тебя со стрельбой? Все тренируешься?

– Да нет, честно говоря, я бросил это дело.

– Ну вот! Это очень грустно! – Макфарлен обратился к Бакстер, судя по виду, не на шутку расстроившись. – Этому парню до сих пор принадлежит абсолютный рекорд ЦРУ по стрельбе с расстояния в пятьдесят ярдов.

Бакстер кивнула и неопределенно хмыкнула.

Заметив ее плохо скрытое равнодушие, Макфарлен вновь повернулся к Рушу:

– Твоя семья по-прежнему живет в Англии? – спросил он и продолжил, не дожидаясь ответа: – Сколько сейчас твоей дочери? Шестнадцать, как моей Кларе?

Руш открыл рот, пытаясь что-то сказать.

– Кошмарный возраст, – покачал головой Макфарлен. – На уме одни парни и развлечения. Я бы на твоём месте залег здесь на дно и вернулся бы домой, когда ей стукнет двадцать!

Макфарлен сам засмеялся своей шутке громоподобным хохотом, совсем неуместным на месте преступления. Руш вежливо улыбнулся, Макфарлен хлопнул его по спине – из лучших побуждений, что не помешало Рушу скривиться от боли, – и ушел.

Бакстер вздрогнула, увидев, что Руш схватился за грудь.

– Я так полагаю, это вполне можно квалифицировать как нападение, – пошутила она.

За ней пришла Кертис. Она представила Бакстер специальному агенту Роз-Мари Леннокс. Изможденная женщина представляла собой аналог Ваниты в исполнении ФБР: типичный бюрократ, выдававший себя за оперативника. Маскировку дополнял весьма показательный пистолет на боку, который она носила на тот случай, если кому-то взбредет в голову украсть из ее кабинета ксерокс.

– Мы *чрезвычайно* благодарны вам за помощь, – льстиво заявила Леннокс.

– Отлично, – сказала журналистка, становясь перед камерой, – работаем. Три, два, один...

– Постойте. Что происходит? – спросила Бакстер, сделала шаг, чтобы уйти, но Леннокс удержала ее за руку.

Ведущая изложила версию событий, предназначенную для прессы, и представила Леннокс, которая принялась зачитывать заранее отрепетированные ответы.

– ...жестокое и бессмысленное нападение на сотрудника полиции. Думаю, я выражу общее мнение, если скажу, что мы не успокоимся до тех пор, пока не... Мы пытаемся выявить связь этого убийства с инцидентом на Бруклинском мосту неделю назад и вчерашней гибелью Летаниэла Массы... В расследовании данного дела ФБР будет тесно сотрудничать с нашими английскими коллегами из лондонской полиции, в частности со старшим инспектором Эмили Бакстер, арестовавшей, как всем известно...

Детектив утратила к ее речи всякий интерес и посмотрела на Руша и Кертис, которые в этот момент оглядывали искореженный автомобиль. Кертис окликнула Руша и махнула рукой на дверцу со стороны водителя.

– Что? – растерянно переспросила Бакстер журналистку, она совсем не слышала вопроса.

– Старший инспектор, – повторила та, сопровождая свои слова самой неискренней улыбкой, которую Бакстер когда-либо приходилось видеть, – что вы можете сказать по поводу совершенного здесь преступления? В каком направлении вы сейчас работаете?

Она указала на картину разгрома, сделав при этом печальное лицо, выглядевшее еще более неубедительным, чем ее хмурая улыбка.

Оператор навел камеру на Бакстер.

– Как вам сказать... – вздохнула она, даже не пытаясь скрыть неприязни. – Вообще-то я занималась расследованием убийства, но в данный момент я почему-то вынуждена стоять с вами и отвечать на ваши идиотские вопросы.

Повисла неловкая пауза.

Леннокс посмотрела на Бакстер с яростью. Резкий ответ, казалось, сбил с толку ведущую, она не успела сформулировать следующий вопрос.

– Тогда мы отпускаем вас, старший инспектор, делать дальше свою работу. Спасибо. – Леннокс ободряюще похлопала ее по плечу, Бакстер хмыкнула и отошла. – Как видите, *все* мы приняли случившееся близко к сердцу и теперь стремимся как можно быстрее найти того, кто это сделал.

Леннокс проводила взглядом уехавших телевизионщиков и окликнула Кертис. Они перешли через дорогу и прислонились к ограде Хайбридж-парка, за которой заканчивался спрессованный вдоль тротуаров лед и начинался чистый, пушистый снег. Леннокс вытащила сигарету и закурила.

– Я слышала о том, что произошло в тюрьме, – сказала она, – ты в порядке? Твой отец мне бы голову оторвал, если бы с тобой что-нибудь случилось.

– Спасибо за заботу, но у меня все хорошо, – солгала Кертис.

Несмотря на все ее усилия доказать, что она и сама что-то значит, из-за влиятельных родителей все по-прежнему ее оберегали, и ее это злило.

Уловив в ее тоне раздражение, Леннокс решила сменить тему:

– Вот стерва эта Бакстер, да?

– Просто она терпеть не может, когда ей досаждают всякие придурки, – ответила Кертис и только после этого поняла, что нечаянно обидела начальницу, – это я не о вас... просто...

Леннокс отмахнулась, выпустив тугую струю дыма.

– Она сильная... и умная, – сказала Кертис.

– Да... Именно этого я и боюсь.

Кертис не поняла, что этим хотела сказать собеседница.

Хотя Кертис ни разу в жизни не брала в руки сигарету, теплое, приятное мерцание тлеющего табака, пляшущее в стилом воздухе, поманило ее сейчас больше, чем когда-либо.

Леннокс посмотрела на бейсбольное поле на вершине заснеженного холма.

– Она здесь как турист, – сказала она Кертис, – не более того. Мы еще пару раз выставим ее перед камерой, сделаем несколько фотографий, чтобы утолить жажду публики, а потом посадим в самолет и отправим домой.

– Вообще-то, мне кажется, она может нам помочь.

– Знаю, но это только вершина айсберга. Так же как убийство офицера Кеннеди – очевидное оскорбление Департамента полиции и попытка дискредитировать наши власти в глазах публики, так и присутствие Бакстер – угроза для нас самих.

– Простите, но я не понимаю, – сказала Кертис.

– Это дело совместными усилиями расследуют Департамент полиции Нью-Йорка, ФБР и ЦРУ, но пока безрезультатно. Бакстер нужна нам здесь, чтобы показать, что мы делаем все возможное, но потом ее лучше будет отослать домой, до того как лондонская полиция припишет себе все заслуги. Когда на нас нападают, требуется демонстрация силы. Мы должны доказать миру, что и сами можем справиться со своими проблемами. Улавливаешь?

– Да, мэ.м.

– Вот и хорошо.

В парк высыпала стайка школьников. Кто-то принялся носиться, оставляя в снегу глубокие следы, другие стали бросаться снежками совсем близко от беседующих женщин.

– Веди себя как обычно, – проинструктировала Леннокс, – пусть Бакстер ходит за вами по пятам, но как только найдете стоящий след, держите его в секрете.

– Это не так-то просто.

– Приказы не всегда просто выполнять, – пожала плечами Леннокс, – но это продлится всего пару дней – после выходных мы велит ей паковать вещи.

Пока Бакстер с Рушем дожидались возвращения Кертис, один из полицейских принес им кофе. Протягивая шербатые чашечки, он произнес краткое, хотя и непрошеное напутствие:

– Поймайте ублюдков, которые это сделали.

Бакстер и Руш горячо кивнули, и рассерженный полицейский с удовлетворенным видом отошел. Хотя навес над участком и защищал Эмили с агентом Рушем от ветра, температура по-прежнему держалась минусовая, и они постепенно начинали это ощущать.

– Как насчет того, чтобы сегодня вечером поужинать втроем с Кертис? – спросил Руш. – Если у вас, конечно, есть время.

– Я... э-э-э... даже не знаю, мне надо кое-кому позвонить.

– Я знаю в Вест-Виллидж одну небольшую, но изумительную пиццерию. Я бываю в ней каждый раз, когда приезжаю в Нью-Йорк. Для меня это стало традицией.

– Я...

– Пойдемте. К вечеру мы вымотаемся и проголодаемся как черти, – улыбнулся Руш, – подкрепиться нам явно не помешает.

– Ну хорошо.

– Вот и отлично, тогда я заказываю столик.

Он вытащил телефон и стал просматривать список контактов.

– Да, забыла спросить, – сказала Бакстер, – что вы с Кертис обнаружили на дверце машины со стороны водителя?

– Что?

Руш уже прижимал к уху телефон.

– Когда я сорвала интервью, мне показалось, вы что-то нашли.

– Ах, *это*... – ответил он. – Да так, ерунда.
В пиццерии ответили, и он отошел поговорить.

Глава 8

*Четверг, 10 декабря 2015 года,
11 часов 13 минут вечера*

Кертис оказалась в ловушке.

Подняв оружие, она вглядывалась во мрак убогого гостиничного номера, пытаясь засечь малейшие признаки движения. В голове билась мысль закричать и позвать Руша, но уверенности, что он услышит, не было, а выдать незваному гостю свое точное местоположение не хотелось бы. Глядя на дверь, которая располагалась в нескольких метрах от нее, но все равно казалась недосягаемой, она почувствовала, как в ушах в такт сердцу стал гулко отдаваться пульс.

Кертис знала, что рано или поздно ей придется выйти навстречу опасности.

Она уже переоделась ко сну – на ней был верх от ретропижамы с «Моим маленьким пони», ярко-зеленые шорты и толстые шерстяные носки. Медленно-медленно агент подползла по кровати к стулу и сняла висевший на его спинке костюмный пиджак.

Сделала решительный вдох, спрыгнула с кровати, отшвырнула шлепанец, которым перед этим воинственно размахивала, вцепилась в замок, открыла его и вывалилась в коридор. Дверь за ней с грохотом захлопнулась.

Собравшись с силами, она поднялась на ноги и тихо постучала в соседний номер. На пороге материализовался Руш – немного всклокоченный, босиком и в незаправленной белой рубашке. Сочетание джетлага и избытка вина за ужином с каждым из них троих сыграло злую шутку.

Он несколько мгновений с непонимающим видом смотрел на гостью, потом протер усталые глаза, пытаясь собраться с мыслями.

– На вас футболка «Мой маленький пони»?

– Да, – ответила Кертис, с трудом переводя дух.

– О'кей, – кивнул он. – Хотите войти?

– Нет, спасибо. Я лишь хотела спросить, умеете ли вы обращаться с пауками.

– С пауками? – пожал плечами Руш. – Да, конечно.

– Только не надо всей этой ерунды, знаете когда их подцепляют листком бумаги и выбрасывают за дверь. Так эта тварь все равно заберется обратно, – велела Кертис. – Мне нужно, чтобы он подох... чтобы я его больше не видела.

– Понятно, – ответил Руш, хватая ботинок и ключи от своего номера.

– Эта гнида такая большая, что тут не до шуток, – заметила Кертис, по достоинству оценив его согласие.

– Насколько большая? – спросил Руш, несколько озадаченный ее словами.

Вечером Бакстер умудрилась надеть наизнанку свою клетчатую пижамную рубашку; со штанами эта ошибка не повторилась, потому что она попросту напялила их задом наперед.

Она выпила еще один стакан горьковатой воды из-под крана. Дальше по коридору какие-то шумные постояльцы стучали и хлопали дверями. Эмили улеглась в постель. Потолок над головой закружился, вызвав приступ тошноты. Через окно пробивались звуки города. Бакстер нащупала телефон, нашла в списке контактов Эдмундса и нажала кнопку вызова.

– Что? – заорал Эдмундс и сел на кровати.

В кроватке в углу снова заплакала Лейла.

– Который час? – проворчала Тиа, которой как раз только что удалось ее уложить.

Когда Эдмундс проснулся окончательно, до него дошло, что на первом этаже разрывается его телефон. Он кое-как скатился по лестнице, увидел на дисплее знакомое имя и ответил:

– Бакстер? Ты в порядке?

– Да, все хорошо... Правда, хорошо, – невнятно пробормотала она.

– Это Эмили? – спросила со второго этажа Тиа, перекрывая плач Лейлы.

– Ага, – Эдмундс старался говорить шепотом, чтобы не досаждал несчастному соседу.

– По-моему, у вас плачет ребенок, – любезно проинформировала Бакстер.

– Да, мы знаем, спасибо. Ее разбудил телефонный звонок, – ответил он. – И нас тоже.

– В двадцать минут седьмого? – спросила она и вдруг умолкла. – *Ой*. Ну, ты понял.

– Да, неправильно подсчитала время, – произнес Эдмундс.

– Неправильно подсчитала.

– Ага.

– В смысле на часах.

– Да! Я понял. Бакстер, ты что, выпила?

– Конечно, нет. На меня и без того слишком много навалилось, чтобы еще пить.

Тиа на цыпочках спустилась на первый этаж – Лейла у нее на руках, наконец, угомонилась.

– Иди спать, – одними губами прошептала она Эдмундсу.

– Сейчас приду, – ответил он.

– Прости меня, – виновато сказала Бакстер, – я просто хотела описать тебе картину преступления, которую мне сегодня показали, чтобы ты был в курсе всего.

– Какого именно преступления? – спросил Эдмундс.

Тиа уже сердилась не на шутку.

– Детектива привязали к решетке радиатора внедорожника, который потом протаранил стену полицейского участка.

Эдмундс разрывался между двумя женщинами.

– Я перезвоню утром... – сказала Бакстер, – ...твоим утром... Нет! Моим утром... Я запуталась...

Эдмундс с извиняющимся видом посмотрел на Тиа и сказал:

– Не надо, все в порядке, рассказывай сейчас.

– Где вы его в последний раз видели? – спросил Руш, понимая, что, используя ботинок в качестве оружия, он подвергает риску босые ноги.

– Кажется, он запрыгнул под шкаф, – сказала Кертис, в целях безопасности забравшаяся с ногами на кровать.

– Запрыгнул?

– Ну, поскакал.

– Поскакал?!

Доверие Руша к ее словам таяло на глазах.

– Ну, скорее... Как сказать «галопирует», но про паука?

– Думаю, так и будет – «галопирует»... – ответил он и шагнул к гардеробу, глядя под ноги, будто опасаясь наступить на змею.

– Может, попросим Бакстер? – предложила Кертис.

– Не нужна нам никакая Бакстер! – рявкнул Руш. – Я сам все сделаю! Просто хочу ударить наверняка.

Кертис пожала плечами.

– Я сегодня не успела вас поблагодарить, – несколько смущенно сказала она.

– Поблагодарить меня?

– Ну да, за вчерашнюю ночь.

– Всегда пожалуйста, – искренне ответил он, повернулся, чтобы улыбнуться, но увидел перед собой расширившиеся от ужаса глаза Кертис.

Руш медленно проследил за ее взглядом. Прямо перед ним на ковре сидел огромный, с чайное блюдце, паук.

Он застыл как вкопанный и едва слышно прошептал:

– Зовите Бакстер.

– Что?

Тварь вдруг побежала прямо к нему. Руш завопил, отшвырнул ботинок и рванул к двери.

– Зовите Бакстер! – закричал он, когда они, толкая друг друга, выбежали в коридор.

Чтобы больше не тревожить Тиа и Лейлу, Эдмундс вышел в сад, мужественно встретил холодный дождь и по раскисшей от влаги земле босиком побежал в пристройку к дому. Включил тусклый свет и вытер крышку ноутбука.

Вай-фая хватило на то, чтобы открыть новостную ленту и карту Манхэттена. Бакстер предоставила ему путаный, но весьма подробный отчет о случившемся.

– Ничего не понимаю, – вздохнул Эдмундс.

Бакстер была разочарована – ожидать от лучшего друга невозможного у нее давно вошло в привычку.

– Ритуальный характер убийства по-прежнему кажется мне правдоподобным, – сказал он. – Хотя бы потому, что я не вижу никаких других объяснений.

На том конце провода в дверь Бакстер постучали.

– Извини, я сейчас.

Эдмундс прислушался к отдаленным голосам, пытаясь расчистить вокруг немного рабочего пространства.

– Послушайте... Вы что, говорите по телефону?

– Да.

– У нас в номере Кертис обрисовалась небольшая проблема. Но это не срочно. Знаете, мы, может, и сами справимся.

– Ничего страшного. Я только договорю и подойду, хорошо?

– Ну конечно, спасибо вам.

– Это недолго, буквально пару минут.

Дверь закрылась. В трубке что-то громко зашуршало и вновь зазвучал голос Бакстер, даже более громкий, чем раньше.

– Извини... Итак, на сегодняшний день мы смогли выявить только одну связь – две жертвы имеют отношение к Тряпичной кукле.

– Если это вообще можно назвать связью, – возразил Эдмундс, – в первом случае жертвой стал какой-то чувак, который по случайному совпадению оказался тезкой Волка, во втором – убийца-кукольник. По-моему, здесь концы с концами не сходятся.

– В таком случае лучше сосредоточиться на убийцах. Они наверняка должны быть между собой как-то связаны.

– Куклы... – произнес Эдмундс. – Согласен. Мы определенно не сможем предсказать, кто станет их следующей жертвой, до тех пор, пока не поймем, чего они добиваются, а для этого необходимо нащупать между ними связь.

– Зачем кому-то приковывать к себе внимание средств массовой информации, заставляя говорить о себе во всем мире, но при этом хранить молчание?

– Я предполагаю, что они стремятся не просто приковать к себе внимание средств массовой информации, а выйти на уровень мировой сенсации. Так что ситуация, думаю, будет только набирать обороты.

– Поправь меня, если я не права, но у меня такое ощущение, что тебя это не очень расстраивает, – заметила Бакстер, уловив в его тоне возбуждение.

– Пришли утром все имеющиеся материалы по убийцам, и я попытаюсь что-нибудь накопать. И вот что, Бакстер... пожалуйста, будь осторожна. Не забывай, что это «наживка».

– Хорошо.

– С Томасом говорили?

– Нет.

– Почему?

– Потому что поссорились накануне моего отлета.

– Из-за чего?

– Да так.

– Не испорти все своим упрямством, – вздохнул Эдмундс.

– Спасибо за совет, тебе бы консультантом по вопросам семьи и брака работать.

Что-то он сомневался, что с ней в этом вопросе согласится Тиа.

– Спокойной ночи.

– Спокойной ночи.

Эдмундс повесил трубку. Стрелки показывали 4 часа 26 минут утра, но спать совершенно не хотелось, к тому же он страшно замерз. Он оглядел пристройку, в которой уже сто лет никто не наводил порядок, и взялся за уборку, подозревая, что она еще не раз ему понадобится, пока будет расследоваться это дело.

Бакстер крепко спала в постели Кертис.

Кертис и Руш устроились по обе стороны кровати и вооружились импровизированным арсеналом, готовые в любую минуту ринуться на врага. Хотя Руш и не позволил ей использовать имевшуюся в номере Библию в качестве метательного снаряда, они держали наготове две пары ботинок, один шлепанец, баллончик с лаком для волос, а заодно и табельное оружие (они всего лишь собирались швырнуть его в неприятеля, если, конечно, ситуация не будет совсем безвыходной).

От Бакстер толку не было никакого. Она недовольно переступила порог, выслушала объяснения, ретировалась в «безопасную зону», сняла ботинки и пару минут спустя уже крепко спала.

– Еще по одной? – спросил Руш, добавляя миниатюрную пустую бутылочку к кучке на кровати.

– Почему бы и нет? – ответила Кертис, приканчивая свою.

Руш подполз к мини-бару, открыл его, выбрал каждому из них по бутылочке, вернулся обратно и сказал:

– Ваше здоровье.

Они чокнулись и сделали по небольшому глотку.

– Вам никогда это не надоедало? – спросила его Кертис несколько мгновений спустя.

– Что «это»? – спросил Руш, сжимая в руке ботинок.

– Не «это» конкретно, а все эти дерьмовые гостиничные номера, неглаженные рубашки... одиночество.

– Вообще-то сегодня с вами делят постель сразу два человека, – заметил он.

Кертис грустно улыбнулась.

– Что же до вашего вопроса, то... нет, – ответил Руш. – Но если когда-нибудь все же надоест, не думаю, что потом я надолго задержусь на этой работе.

– Должно быть, нелегко постоянно находиться вдали от дочери и жены.

– Да, но что поделаешь. Если у вас нет таких связей, и вы уже так мучаетесь...

– Я не мучаюсь! – бросила Кертис.

– Простите, я неудачно выразился.

– Просто... неужели все время так и будет?

– Будет, если вы, конечно, сами что-нибудь не измените, – ответил ей Руш.

Кертис швырнула башмаком; он пролетел мимо головы Руша и оставил вмятину на хлипкой перегородке; Бакстер вздрогнула во сне.

– Извините, показалось... Это всего лишь тень, – пожала плечами Кертис.

– Я, может, суюсь не в свое дело, поэтому можете смело швырнуть в меня вторым ботинком, но не стоит портить себе жизнь, чтобы доказать, что все делаешь правильно, – на самом деле так ничего не докажешь.

Кертис задумчиво кивнула.

– Бакстер надела штаны задом наперед, – сказала она после небольшой паузы.

– Да, и правда, – ответил Руш, которому не нужно даже было смотреть, чтобы в этом убедиться.

Эмили едва слышно посапывала. Кертис на мгновение задержала на ней взгляд и тихо сказала:

– Начальство приказало мне не делиться с ней важными сведениями.

– Почему?

– Ей в любом случае работать с нами самое большее еще несколько дней, – пожала плечами Кертис.

– Досадно. Мне она нравится.

– Мне тоже.

– Отдохните немного, – сказал он, – я подежурю.

– Вы уверены?

Руш кивнул. Через пять минут она уже спала рядом, а через десять отключился и он.

Будильник Кертис зазвонил в 6 утра. Проснувшись вместе в ее постели, все трое несколько оторопели.

– Доброе утро, – хрипло сказал Руш.

– Доброе утро, – потягиваясь, ответила Кертис.

Бакстер не могла понять, что происходит.

– Пойду приму душ, – возвестил Руш.

Он встал, направился к двери, но вдруг остановился, неподвижно уставился в пол и застыл.

– В чем дело? – спросила Кертис, осторожно подошла к нему и увидела на полу раздавленное, втоптанное в ковер тельце.

– Должно быть, Бакстер наступила на него, когда вошла, – обессиленно засмеялся он.

Он оторвал кусок туалетной бумаги, осторожно подцепил вещдок и смыл в унитаз их первый командный трофей.

Дела постепенно налаживались.

Глава 9

*Пятница, 11 декабря 2015 года,
9 часов 7 минут утра*

Леннокс постучала пальцем по одной из трех карточек-шпаргалок, разложенных перед Бакстер:

***Я не могу строить в этом отношении догадки.
Да, я могу это подтвердить.
Нет оснований предполагать что-либо подобное.***

Эмили наклонилась ближе к небольшому микрофону, выжидательно установленному на черной ткани, которую положили на ряд сдвинутых вместе столов, чтобы создать более официальную обстановку.

– Боюсь, я не могу строить в этом отношении догадки.

Она услышала, что Леннокс недовольно, но почти беззвучно крикнула, и откинулась на стуле. Журналист обратился к сидевшему рядом с ней мужчине. Леннокс что-то быстро нацарапала на листке бумаги и подвинула ей, усиленно делая вид, что все ее внимание поглощено заданным вопросом и тем, как ответит на него заместитель директора.

Ее каракули Бакстер разобрала не сразу:

Никогда не говори «боюсь»...

В привычной обстановке этого с лихвой хватило бы, чтобы вывести ее из себя, несмотря на толпу журналистов и лес выстроившихся впереди камер, фиксирующих каждое ее движение, но из уважения она лишь прикусила язык и осталась сидеть как ни в чем не бывало.

Пресс-конференцию устроили с целью подтвердить личность погибшего детектива, а также чтобы, в ответ на исступленные спекуляции в интернете и всевозможные теории заговоров официально заявить, что убийства Банкира, Летаниэла Масса и детектива Роберта Кеннеди действительно связаны между собой.

Бакстер даже не думала вслушиваться в разговор. Она все еще злилась из-за записки, так и не отказавшись до конца от мысли устроить скандал Леннокс, которая неторопливо завершала свой пространственный ответ:

– И наши заокеанские коллеги, такие как присутствующая здесь старший инспектор Эмили Бакстер.

Когда с ее губ слетело последнее слово, какой-то молодой человек в дешевом костюме стремительно поднял руку.

Леннокс жестом предложила ему говорить.

– Старший инспектор, а что *вы* думаете о мотивах всех этих убийств? – спросил он.

Зал замер в ожидании.

Леннокс постучала пальцем по карточке-шпаргалке, хотя в этом не было никакой необходимости.

– Я не могу строить в этом отношении догадки, – прочла Бакстер.

– Источник в тюрьме сообщил, что у одного трупа на груди было написано «Кукла», у другого – «Наживка», – гнул свое корреспондент, не желая довольствоваться уклончивым ответом, – фотографии, сделанные на Бруклинском мосту, позволяют предположить, что нечто подобное присутствовало и там. Вы можете подтвердить, что подобные надписи были выявлены на всех телах, обнаруженных на сегодняшний день?

Леннокс на мгновение застыла в нерешительности и постучала пальцем по другой карточке.

Эмили хоть и удивилась, но все же выполнила молчаливый приказ:

– Да, я могу это подтвердить, – сказала она механически.

В зале зажужжали приглушенные разговоры и напряженный шепот. Бакстер увидела у задней стены Кертис с Рушем и немного приободрилась. Кертис дружески кивнула, а Руш поднял вверх два больших пальца. Бакстер заулыбалась.

– Да, старший инспектор! Старший инспектор! – обратился к ней тот же журналист, перекивая едва сдерживаемый гам, и с победным видом задал третий вопрос: – Учитывая, что на груди у каждой из трех жертв – полицейского, человека по имени Вильям Коукс и убийцы-кукольника – вырезано слово «Наживка», позволю себе предположить, что вы с коллегами не исключаете, что этот посыл адресован вам?

Нетерпеливые газетчики застыли в ожидании ее ответа на, по правде говоря, более чем уместный вопрос. В зале повисла гробовая тишина.

Леннокс подвинула к ней карточку с надписью «Я не могу строить в этом отношении догадки». «Кто бы сомневался», – горько подумала Бакстер. Официальный представитель Департамента полиции Нью-Йорка ни в жизнь не признает, что заставила ее перелететь Атлантический океан для того, чтобы подвергнуть здесь риску.

– Это только один из вариантов, которые мы на данный момент рассматриваем, – произнесла она, подразумевая под этим «мы», конечно же, себя и Эдмундса.

Леннокс, похоже, не очень понравилась эта самодеятельность, хотя в целом профессиональный и лаконичный ответ детектива ее удовлетворил.

– Старший инспектор Бакстер! – крикнул кто-то в первом ряду.

Эмили машинально посмотрела на женщину; та восприняла это как приглашение встать и задать свой обезоруживающе прямой вопрос:

– Будут ли еще убийства?

Бакстер вспомнила свой разговор с Эдмундсом минувшей ночью. Леннокс опять ткнула пальцем в карточку про догадки.

– Я... – нерешительно начала Эмили.

Леннокс повернулась к ней и стукнула по карточке настойчивее. В глубине зала встревоженно покачала головой Кертис. Руш, даже не имея под рукой никаких шпаргалок, одними губами прошептал:

– Я не могу строить в этом отношении догадки.

– Старший инспектор! Так будут еще убийства или нет? – вновь спросила журналистка в звенящей тишине.

Бакстер вспомнила официальный пресс-релиз, выпущенный после ареста Масса: историю, которую ей пришлось состряпать во избежание неприятностей, и туманное объяснение причастности к этому делу Волка.

Одни сплошные трупы и бесконечная ложь.

– Да... я полагаю, ситуация действительно будет накаляться.

Зал вскочил на ноги и стал забрасывать ее вопросами под сполохи вспышек фотоаппаратов, и Бакстер почувствовала, что все повернули в ее сторону головы. Вероятно, она ошиблась, считая, что публике, пускай хотя бы иногда, хочется знать правду.

Осознание того, что вся эта пишущая братия процветает на пустых обещаниях и лживых заверениях, вгоняло Эмили в депрессию. В этом гадуки из Департамента связей с общественностью были правы – люди скорее согласятся получить удар в спину, нежели взглянуть правде в глаза.

– Вот что мы имеем на сегодняшний день, – сказал специальный агент Кайл Хоппус, подводя их к одной из десятка развешанных на стенах белых досок, – это наши убийцы.

Маркус Таунсенд	Эдуардо Медина	Доминик Хвастун
<p><i>Бруклинский мост</i></p> <p><i>39 лет, белый американец</i></p> <p><i>Бывший биржевой трейдер</i></p> <p><i>Обанкротился после обвала рынков в 2008 году, после чего для него начался период суровых испытания и неудач</i></p> <p><i>Связи с жертвой по линии финансов?</i></p> <p><i>В 2007 году был заподозрен в сливе инсайдерской информации и стал фигурантом со-ответствующего уголовного дела</i></p>	<p><i>33-й участок полиции</i></p> <p><i>46 лет, латиноамериканец</i></p> <p><i>Повар в Парк-Стэмфорд Отель</i></p> <p><i>Имел проблемы с миграционной службой: большая часть его близких до сих пор живет в Мексике</i></p> <p><i>Месть властям?</i></p>	<p><i>Тюрьма Белмарш</i></p> <p><i>28 лет, белый британец</i></p> <p><i>В 2011 году был арестован за убийство</i> <i>Последние четыре года провел за решеткой</i></p> <p><i>Какое отношение мог иметь к убийствам в рамках дела Тряпичной куклы, отбывая срок?</i></p> <p><i>По данным журнала посещения, раз в неделю встречался с психиатром, в день рождения его навещали члены семьи.</i></p> <p><i>Налицо явная месть полиции.</i></p>

Региональное отделение ФБР в Нью-Йорке располагалось на двадцать третьем этаже безотрадно скучного дома рядом с Бродвеем. Если забыть о типичных для этого города неоштукатуренных кирпичных стенах, Бакстер вполне могла бы сказать, что вновь оказалась в Нью-Скотланд-Ярде: те же беленые высокие потолки, тот же синий пористый пластик, отделяющий в офисе столы сотрудников, и почти идентичный ковер – достаточно изношенный в силу недостаточной износостойкости.

Хоппус дал им пару минут ознакомиться с той информацией, которая не была зачеркнута или нечитаема. С учетом его начальственного ранга он казался Бакстер подозрительно дружелюбным.

– Как видите, исключив всякую возможность взаимосвязи между убийцами, между жертвами, между убийцами и жертвами, а также между ими всеми и делом Тряпичной куклы, мы сосредоточили все внимание на том обстоятельстве, что у каждого из наших преступников были все основания ненавидеть полицию, – объяснил Хоппус. – Одна бригада наших дознавателей разбирается с их финансами, вторая досконально изучает сведения в компьютерах и телефонах. Это все понятно. Проблема в том, что на этом дело и застопорилось. Мы не выявили экстремистских политических или религиозных взглядов, за исключением разве что Медины, ревностного католика и яркого сторонника Демократической партии, как и все мексиканские иммигранты. Кроме Баррелла, в насилии никто из них тоже раньше замечен не был. Насколько нам удалось узнать, эти люди никогда друг с другом не встречались, – закончил он.

– Но несмотря на это, в течение всего нескольких дней было совершено три преступления, наверняка координируемых из одного центра, – принялся размышлять вслух Руш, – *прямо жуть берет.*

Хоппус ничего не ответил, но бросил на Кертис недоуменный взгляд, будто спрашивая, зачем она привела сюда этого странного типа.

– Вы не могли бы предоставить мне копии их дел? – спросила Бакстер. Она решила не ставить его в известность о своем намерении послать запрашиваемые документы через океан сотруднику отдела по борьбе с финансовыми преступлениями, с формальной точки зрения не имеющему к данному делу никакого отношения.

– Разумеется, – ответил Хоппус немного лаконичнее, чем допускали рамки приличий, явно посчитав оскорблением предположение, что она может найти в бумагах нечто такое, что проглядела его команда.

Руш подошел ближе к доске и присмотрелся к трем небольшим фотографиям, прикрепленным над именами убийц. Баррелл смотрел на него с протокольного снимка, наверняка сделанного вскоре после ареста. На Таунсенде была футболка со знакомым логотипом.

– Таунсенд участвовал в программе «С улиц к успеху»? – спросил Руш.

– Да, – ответил Хоппус. Он обсуждал что-то с Кертис и Бакстер.

– А сейчас? – продолжал Руш.

– Он же мертв... – в замешательстве произнес Хоппус.

– Я имею в виду... на момент смерти. Он отказался от участия в ней или нет?

– Нет, не отказался, – ответил агент ФБР, не в силах скрыть раздражения.

– Хм-м, – протянул Руш и вновь уставился на доску.

Об этой программе он узнал, когда расследовал предыдущее дело. Данная инициатива сводилась к тому, чтобы вновь трудоустроить городских бездомных, число которых в последнее время росло угрожающими темпами, и дать им возможность самим себя обеспечивать. С такими людьми, от которых все отказались, проводили занятия, консультировали, на какое-то время обеспечивали крышей над головой, помогали приобрести профессиональные навыки и устраивали на работу. Само по себе предприятие замечательное, только вот в то, что доходяга на фотографии – сущий скелет, одна кожа да кости – вернется к нормальной жизни, верилось с большим трудом.

За свою жизнь Руш повидал много наркоманов и всегда мог безошибочно определить, когда человек больше ценит не жизнь, а дурь.

Он перевел взгляд на снимок Эдуардо Медины. В нижнем углу, там, где фотографию бесцеремонно обрезали, торчала чья-то голова. Выглядело так, будто Медина кого-то обнимает – со счастливым видом.

– И что теперь будет с его семьей? – спросил Руш, опять перебив Хоппуса.

– Чьей?

– Медины.

– С учетом того, что этот скот хладнокровно отправил на тот свет полицейского, я буду очень удивлен, если в самое ближайшее время власти не депортируют его сына и *навсегда* не запретят другим родственникам въезжать в нашу страну.

– Значит, он им испортил жизнь? – заключил Руш.

– Это еще мягко сказано, – сказал Хоппус, поворачиваясь обратно к Кертис.

– Но ведь до того, как совершить это убийство, он ради них очень старался, не так ли?

Хоппус дернулся от охватившего его раздражения и посмотрел на Руша.

– Думаю, да. Устраивал себе в отеле многочасовые смены и посылал семье деньги. Добился разрешения на въезд в США дочери.

– Как по мне, так не похож он на злодея, – сказал Руш.

Непроницаемый Хоппус побагровел от гнева.

– О боже, – прошептала Кертис; ей было за него неловко.

– «Злодея»? – в ярости воскликнул Хоппус, полностью переключая внимание на агента ЦРУ, по-прежнему занятого фотографией. – Этот мерзавец привязал *полицейского* к капоту машины и врезался в стену!

– Вы меня неправильно поняли, – тактично ответил ему Руш, – я не утверждаю, что Медина не совершил страшного преступления. Просто у меня нет уверенности в том, что он был плохим человеком.

Когда коллеги Хоппуса увидели столь нехарактерную для их начальника вспышку ярости, в офисе стало непривычно тихо.

– Я согласна с Рушем, – пожалала плечами Бакстер, не обращая внимания на разочарованный взгляд Кертис, – Медина – ваш лучший шанс разобраться в происходящем. При любых раскладах Баррелл был куском дерьма. Таунсенд опустился на самое дно и имел самые сомнительные связи. А вот Медина был примерным тружеником, старался помогать семье. Поэтому причину такой резкой перемены будет выявить гораздо легче.

– *Я и говорю*, – проворчал Руш.

– Ладно, убедили, – нехотя признал Хоппус, по-прежнему не выказывая особой радости от общения с кем-то из них.

– Агент Хоппус как раз хотел нам изложить еще одну линию расследования, – сказала Кертис Рушу, пытаясь устранить возникшие разногласия и привести всех к общему знаменателю.

Руш отлип от стены и присоединился к ним.

– Так вот, я говорил, что наши технические специалисты прошерстили в интернете запросы поисковых систем со словами «Кукла», «Тряпичная кукла», «Масс» и «Наживка». Причем сделали это до сегодняшней пресс-конференции, после которой подобных запросов стало в разы больше. Попутно они нашли сайты и форумы, участники которых уже желают примазаться к этой сомнительной славе.

– Полоумные убудки, – изрекла Бакстер.

– Не могу с вами не согласиться, – сказал Хоппус, – мы отслеживаем IP-адреса каждого, кто на них заходит, и потом мониторим их трафик на тот случай, если с ними попытается выйти на связь кто-нибудь действительно причастный к нашему делу.

– Как бы ужасно это ни звучало, – начала Кертис, – но в целом, на данный момент, мы ждем следующий труп, так?

– Если честно, я не думаю, что об этом следует сообщать публике, но... да, мы действительно блуждаем в потемках, – согласился Хоппус.

В этот момент к ним подошел агент из числа его подчиненных.

– Прошу прощения за вмешательство в ваш разговор, сэр. Там внизу специальный агент Леннокс, с ней несколько журналистов. Она просит старшего инспектора Бакстер спуститься к ним.

– Да пошли они к черту! – в сердцах воскликнула Эмили.

Младший агент был явно напуган перспективой передать этот ответ Леннокс.

– Но с другой стороны, – весело сказал Руш, – вы можете сделать ваше новое выступление еще более ярким, это плюс.

Кертис ободрительно кивнула Бакстер.

– А что я говорила? Что мы ждем следующий труп? – спросила Бакстер, повернулась к молодому человеку и сказала: – Ладно, ведите.

– Она ведь пошутила... правда? – нервно произнес Хоппус, проводив ее взглядом до двери офиса.

Давая все такие же расплывчатые ответы на все те же общие вопросы, Бакстер почувствовала, как у нее завибрировал телефон. Она хоть и не питала к бывшей жене Волка симпатий, но ничуть не сомневалась, что скучные, напрочь лишённые воображения журналисты, с которыми ей до настоящего времени приходилось сталкиваться в этой поездке, вполне могли усвоить парочку уроков ее школы бесстыдного нагнетания страха.

От того, что ее отвлекли от дела ради очередной пиар-акции, Бакстер охватило раздражение, ей хотелось только одного – вернуться к Рушу и Кертис. Дело Тряпичной куклы длилось всего две недели, но по целому ряду причин, которых было больше, чем она желала признавать, в душе у Эмили царилла пустота: не разгадано. Это неожиданное его продолжение успело поднять ее боевой дух, заставив вновь почувствовать себя хорошим детективом. В то же время, чувствуя себя полезным членом команды, Эмили в который раз пожалела, что согласилась на должность старшего инспектора.

Тот же молодой человек, который пришел за Бакстер, попытался нарушить спокойное течение интервью в прямом эфире:

– Специальный агент! – нервным шепотом позвал он.

Леннокс даже не подумала прекращать свою пустую болтовню.

– Агент Леннокс, – настаивал он.

Бакстер видела, что молодой человек замер в нерешительности, понятия не имея, что делать, когда начальница, не обращая на него внимания, выдавала в эфир свой филигранно отточенный ответ.

– Леннокс! – рявкнула Бакстер, не дожидаясь, когда телевизионщики выключат камеры. – Этому парню надо с вами поговорить.

– С вами тоже, старший инспектор, – ответил тот, с благодарностью глядя на детектива.

– Простите, но меня зовет долг, – улыбнулась в объектив Леннокс.

Они отошли на приличное расстояние от журналистов, ловивших каждое их движение.

– Ты что, не мог подождать, когда я закончу? – злобно спросила она молодого человека.

– Я просто подумал, что будет нехорошо, если вы узнаете о случившемся после всех остальных, – объяснил тот.

– И что же такое случилось?

– Произошло еще одно убийство. Опять полицейский.

Глава 10

*Пятница, 11 декабря 2015 года,
5 часов 34 минуты вечера*

В хаосе детектив-констебль Аарон Блейк потерял из виду напарника. Они умудрились устроить пробку на пол-Лондона, перенаправляя плотный транспортный поток с шести полос Молл-стрит на куда более узкую Мальборо-роуд в надежде на то, что каким-то чудесным образом все эти машины туда влезут. Ситуацию еще больше усугубила пелена плотного, стылого тумана, накрывшая город. Если по прибытии на место преступления он еще видел, как на фоне хмурого неба зажглись огни Букингемского дворца, то теперь не мог ничего разглядеть даже в пяти футах от себя.

От синих проблесковых маячков машин экстренных служб непроглядная мгла окрасилась призрачным потусторонним светом. Сырая мусть пробилась сквозь четыре слоя одежды, темные волосы полицейского намокли. Марево приглушило шум двигателей застывших на месте автомобилей. Блейк чуть ли не на ощупь двинулся обратно к месту преступления, используя в качестве ориентира прожектор пожарной машины.

– Блейк! – позвал коллегу Сондерс, материализуясь из тумана с эффективностью заправского фокусника. Он тоже насквозь промок, а его белокурые волосы прилипли к насмешливому лицу и приобрели неестественный оранжевый оттенок.

Возглавив отдел, Бакстер первым делом решила сделать напарниками двух детективов, с которыми никто не желал работать. Ни того, ни другого эта новость не обрадовала. Сондерс прославился как самый напыщенный и грубый шовинист, хотя и дорожил работой в отделе по раскрытию убийств и других тяжких преступлений; Блейк пользовался репутацией бесхарактерного, подловатого и коварного говнюка.

– Ты экспертов здесь случайно не видел? – спросил Сондерс с акцентом истинного кокни.

– Шутишь, что ли, – ответил Блейк, – я уже через две минуты здесь нахрен заблудился.

– Долбанный туман! Это же самая настоящая задница.

Блейка отвлекла золотистая тень, проплывшая в нескольких футах над головой Сондерса. Ее сопровождал цокот копыт.

– И что теперь? – раздраженно бросил Сондерс, вытаскивая раздраженный трелью телефон. – Шеф?

Возвращаясь в региональное отделение ФБР, Бакстер позвонила Ваните, которая теперь, когда ей пришлось не прятаться за рабочим столом, а возглавить расследование *настоящего* преступления, стала решительной и спокойной – к величайшему удивлению Бакстер. Коммандер сообщила ей скупые подробности и рассказала, кто из отдела прибыл по вызову, от чего Эмили отнюдь не стало легче.

– Сондерс, вы можете вкратце описать картину преступления? – спросила она через Атлантику.

Бакстер нашла свободный стол и села за него, вооружившись ручкой и бумагой.

– Дело дрянь, хуже не бывает, – лаконично ответил он, – вы знаете, какая сейчас в Лондоне погодка? Чума. Ничего не видно уже на расстоянии вытянутой руки. На меня из тумана только что чуть не налетели какие-то всадники на лошадях. Мы здесь как в чертовой «Сонной Лощине».

– Место преступления оцепили? – спросила Бакстер.

В ее трубке пронзительно завывла сирена.

– Простите, одну минутку... – голос Сондерса теперь долетал будто издалека. – Фантастика! Еще одна патрульная машина? Думаете, у вас получится то, что не получилось у десятка других? Извините, шеф, это я не вам.

– Сондерс!

– Да, прошу прощения.

– Место преступления оцепили?

– Первыми прибыли пожарные, которые, конечно же, сделали свое дело. Но потом мы действительно растянули ограждение, хотя его все равно никто не видит.

– Какие силы сейчас задействованы на месте?

– Да все. Полный комплект: две пожарные, как минимум три скорые. Полицейским машинам я вообще потерял счет, могу лишь сказать, что их точно больше десятка. Я говорил с каким-то парнем из МИ5, с королевской конной полицией, даже какой-то зоозащитник пробежал. Где-то поблизости болтается команда криминалистов, хотя их мы пока еще не нашли.

– Главное, не подпускайте никого к месту преступления, Ванита уже на подходе, – сказала ему Бакстер. – Блейк с вами?

Она одинаково не любила обоих, но с Блейком ей было попроще.

– Ага, обождите секунду... Блейк! Шеф хочет с тобой поговорить... Да, именно с тобой. Что ты пакли свои прилизываешь? Она все равно тебя не увидит. Даже я тебя не вижу!

На противоположном конце провода что-то зашуршало.

– Шеф? – произнес Блейк, почувствовав прикосновение к щеке холодного дисплея, и поднял глаза на ясное ночное небо. Его переполняло странное, на грани реальности, чувство, что он приподнялся над земной суетой и высунул голову из плотного облака.

– Мне нужно, чтобы вы прошли на место преступления и *в точности* описали мне, что видите.

Иллюзия рассеялась, и Блейк, следуя полученным инструкциям, поднырнул под ленту полицейского ограждения, которую они натянули вокруг обгоревшего каркаса автомобиля. Потом включил фонарик, и рассеянный луч света выхватил темный дымок, который все еще поднимался над разбитой машиной, сплетаясь с белым туманом, и устремлялся вверх, отравляя и без того горькую ночь.

– Так, я на Молл-стрит, неподалеку от дворца. У нас в наличии полностью сторевшая полицейская машина, стоит прямо посреди дороги. – Под ногами хрустело битое стекло и осколки пластмассы. – Два трупа, один на водительском месте, второй на пассажирском. Когда автомобиль отъехал от Трафальгарской площади, свидетели видели в салоне дым, а уже несколько секунд спустя начался сущий ад.

В этом месте Блейк обычно отпускал какую-нибудь безвкусную шуточку или неуместный комментарий, но мрачная атмосфера, особая значимость четвертого преступления, совершенного непонятно кем, гротескность развернувшейся перед ним сцены – все это вместе вызвало в нем внезапный приступ профессионализма. Ему просто хотелось хорошо сделать свою работу.

– До дворца оттуда далеко? – спросила Бакстер.

– Не особенно. Машина проехала примерно две трети улицы, но она ведь длинная и старая. Я так понимаю, они как раз туда и стремились, но им помешал огонь, вспыхнувший слишком быстро.

– Опиши мне тела.

Он с самого начала знал, что до этого рано или поздно все равно дойдет. Все дверцы были широко распахнуты – это пожарные проверяли, не осталось ли внутри кого-то еще. Блейк прикрыл рукой нос и опустился на колени перед почерневшими останками.

– Они, э-э-э... не в самом лучшем состоянии. – К горлу подкатила тошнота, но пока дело этим и ограничилось. – О боже, ну и запах.

Желудок запротестовал, вот-вот готовый выплеснуть из себя содержимое.

– Знаю, – сочувственно ответила Бакстер, – что вы перед собой видите?

С обгоревшего остова до сих пор капала черная от копоти вода, собиралась у ног маслянистыми лужами и медленно замерзала. Он осветил фонариком внутренности салона.

– Явственно ощущаю запах бензина, много бензина. Может, всему виной топливный бак, но мне кажется, что им облили салон. На водительском сиденье мужчина. Боже праведный, я даже не могу сказать, какого цвета у него была кожа.

Он подсветил обугленное тело, луч фонарика нервно скользнул по груди и упал на череп.

– Чуть меньше шести футов, до пояса обнажен. Все тело обгорело, кроме участка на груди, который почти не пострадал.

– «Кукла»? – спросила Бакстер, заранее зная ответ.

– Вырезанную на коже надпись, должно быть, покрыли противопожарным лаком, – сказал Блейк, переводя луч фонаря на второе тело, – та же история и с женским трупом на пассажирском сидении: раздета до пояса, на груди четко просматривается надпись «Наживка». Скорее всего, сделана совсем недавно. На ней черные ботинки и разгрузочный пояс, так что мы уверены, что это констебль Керри Коулмен. Это ее патрульная машина, и чуть больше часа назад было отмечено, что она не отвечает на сообщения по рации.

За спиной Блейка послышался хруст. Он обернулся и увидел Сондерса, который в этот момент поднял ленту ограждения, пропуская вперед экспертов.

– А вот и криминалисты, – сказал он Бакстер, встал и отошел от машины, – если хотите, позже я сообщу вам обо всех их находках.

– Нет, с минуты на минуту к вам подъедет Ванита, доложите ей. Завтра я возвращаюсь в Лондон.

– Хорошо.

– И... Блейк...

– Да?

– Отличная работа.

Он предпочел сосредоточиться на самом комплименте, а не на удивленном тоне, которым он был произнесен.

– Спасибо.

Бакстер вырвала из блокнота исписанный ее каракулями листок и направилась в кабинет Леннокс. Она передала другим членам команды рассказ Блейка, после чего они принялись обсуждать обозначившуюся четкую схему. События в Великобритании теперь зеркально отражали убийства в США, только с некоторой задержкой: каждый раз по обе стороны Атлантики одна жертва имела отношение к Тряпичной кукле и всегда сопровождалась смертью полицейского.

– Мне надо возвращаться, – сказала Эмили Леннокс, – не могу оставаться здесь, когда буквально на пороге моего дома убивают коллег.

– Прекрасно вас понимаю, – сердечно ответила Леннокс, в восторге от того, что ей представился действенный предлог отделаться от британского детектива даже раньше, чем предполагалось.

– Но ведь это одно и то же дело, – заметил Руш, – независимо от того, занимаетесь вы его расследованием здесь или там.

– Мне нужно в Лондон.

– Я пошлю кого-нибудь организовать вам билет, – сказала Леннокс, не дожидаясь, когда кто-нибудь предпримет новую попытку убедить Бакстера остаться.

– На сегодняшний рейс?

– Сделаю все, что в моих силах.

– Спасибо вам.

– Нет, старший инспектор, – ответила Леннокс, протягивая руку, – это *вам* спасибо.

Для Бакстер забронировали билет на рейс следующим утром. Накануне она несколько раз общалась с Ванитой, дважды звонила Эдмундсу и даже отправила Томасу голосовое сообщение, предупредив, что возвращается домой, и сразу почувствовала себя невероятно открытой и внимательной подругой своего бойфренда.

Несмотря на трудности с идентификацией обгоревших останков, работавшая по этому преступлению бригада довольно быстро установила имя убийцы констебля Коулмен: Патрик Питер Фергюс – его телефон обнаружился в целости и сохранности в выброшенном рюкзаке.

Система GPS, отслеживавшая передвижение патрульных в режиме реального времени и позволявшая диспетчерам высылать на места происшествий ближайшие экипажи, показала, что машина Коулмен сделала незапланированную остановку на Спринг-гарденс. «Большой брат», давно ставший предметом ожесточенных споров, на этот раз сыграл полицейским на руку, снабдив такими ценными сведениями, как время и место. Сразу девять камер видеонаблюдения зафиксировали моменты ничего иного, как убийства.

По Уайтхоллу неспешно шагал седовласый мужчина в джинсах и рубашке поло с сумкой в руке. Когда он остановился перед светофором, патрульная машина Коулмен как раз остановилась на красный свет. Вместо того чтобы перейти дорогу, он постучал ей в окно и, приветливо улыбаясь, указал в сторону тихой боковой улочки.

Поскольку там на обочине велись дорожные работы с обеих сторон, пешеходов практически не было, поэтому никто не мог увидеть, как мужчина спокойно нагнулся и взял кирпич. А когда констебль Коулмен вышла из автомобиля, он ударил ее по голове один раз и затем оттащил на пассажирское сиденье. Благодаря камерам, передававшим изображение под разными углами, можно было разглядеть, что происходило в салоне: нож, противопожарный лак, бутылка бензина – все это лежало в сумке, которую до того он спокойно пронес сквозь толпу.

Закончив разговор с одним из детективов, работавших в ночную смену, Бакстер поехала. Если не считать пресс-конференции, которую Ванита назначила, чтобы сообщить имя погибшей коллеги, новых подробностей в деле пока не появилось. Криминалисты внимательнейшим образом обследовали телефон, но ничего существенного так и не нашли. Вопиюще случайный характер убийства, о котором свидетельствовали записи с камер видеонаблюдения, исключал необходимость изучать связи констебля Коулмен. Она просто оказалась не в то время не в том месте, наткнувшись на человека, решившего убить полицейского, как только ему представится такая возможность.

Бакстер стояла у «Рид Стрит Паба» в Трайбеке². Это уютное, несколько старомодное заведение облюбовали агенты ФБР, поэтому оно славилось чуть ли не образцовым поведением своих клиентов. Коллеги уговорили Кертис выпить с ними по рюмочке по окончании смены, а та, в свою очередь, убедила Эмили и Руша присоединиться к ним.

Бакстер подумала, что пора бы вернуться внутрь, но ей почему-то нравилось так стоять и смотреть, как день постепенно переходит в ночь, как одно за другим, будто китайские фонарики, зажигаются городские окна. Когда она снова переступила порог бара, морозный вздох, вырвавшийся из ее груди, растаял в облаке тепла, музыки и хриплого смеха.

² Трайбека – т. н. «Треугольник южнее Канал-стрит», микрорайон Первого округа, расположен в Нижнем Манхэттене.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.